

ОН –
СТРАЖ ВРАТ,
СОЗДАННЫЙ
ПОБЕДИТЬ ТЬМУ...

ОН –
ЕЁ ПРОШЛОЕ,
КОТОРОЕ ХОЧЕТ
ВЕРНУТЬ ЕЁ
ДОМОЙ...

ДВЕ ЖИЗНИ.
ДВА МИРА.
ОДНО СЕРДЦЕ.

ОНА ДОЛЖНА
ВЫБРАТЬ,
ЧТОБЫ СПАСТИ
ИХ ВСЕХ.

ТЕНЬ ПЕПЕЛЬНОГО КОРОЛЕВСТВА

МАГИЯ
И ТАЙНЫ

ЛЮБОВЬ,
КОТОРАЯ
ПРОТИВ СУДЬБЫ

ПРОШЛОЕ,
КОТОРОЕ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ

БИТВЫ
ЗА МИР
И ДУШУ

КОГДА ВРАТА ОТКРОЮТСЯ,
ОНА ДОЛЖНА РЕШИТЬ: СПАСТИ МИР ИЛИ СОХРАНИТЬ ЛЮБОВЬ.

Айрис Морвейн

Тень пепельного королевства

«Автор»

2026

Морвейн А.

Тень пепельного королевства / А. Морвейн — «Автор», 2026

Алина — обычная современная девушка, чья жизнь состоит из дедлайнов, сообщений без ответа и попыток разобраться в себе. Но однажды случайный день заканчивается падением в другой мир. Мир древних лесов, забытых королевств, чудовищ и настоящей магии. Оказавшись в землях меча и колдовства, Алина встречает загадочную белую ласку — лесного духа, который становится её первым другом и проводником в этом опасном мире. Вместе они находят укрытие в маленькой деревне, но мирная жизнь рушится, когда Алина обнаруживает в себе силу, способную изменить судьбу целого мира. Кто призвал её сюда? Почему древняя магия откликается именно ей? И сможет ли обычная девушка выжить там, где начинается война богов, чудовищ и королей? Это история о дружбе, магии, приключениях и девушке, которой предстоит стать легендой. Когда тебя выбирает другой мир — назад дороги уже нет.

© Морвейн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4.	27
Глава 5	42
Глава 6.	52
Глава 7.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Айрис Морвейн

Тень пепельного королевства

Глава 1.

Алина всегда считала, что живёт в правильном мире.

В мире, где почти всё можно исправить одной кнопкой: «Обновить», «Отменить», «Напомнить позже».

В мире экранов, быстрых решений и бесконечной спешки, светофоров, которые неизменно переключаются на красный именно тогда, когда ты опаздываешь. Кофе навынос, обжигающего пальцы даже через картонный стакан. Дедлайнов, которым безразлично, готов ты или нет. Уведомлений, не исчезающих даже ночью, когда телефон лежит экраном вниз, а мозг всё равно ждёт очередного сигнала.

Она жила быстро. Настолько быстро, что дни перестали отличаться друг от друга. Они больше не складывались в воспоминания — только в бесконечную череду переключений: работа, дорога, сообщения, встречи, чужие голоса, мысли, не успевавшие оформиться, потому что их тут же вытесняли новые.

Иногда жизнь казалась ей списком дел, который кто-то постоянно дописывал. Закончила одно — появилось следующее. Решила проблему — получила новую. И конца этому не предвиделось.

В двадцать пять Алина выглядела как типичная жительница большого города: ухоженная, собранная и уставшая настолько давно, что усталость стала привычным состоянием.

Тёмно-каштановые волосы доходили до лопаток мягкими волнами. Обычно она собирала их в хвост или небрежный пучок — не потому, что ей было всё равно, а потому, что не любила тратить время на лишнее.

Сегодня ветер решил иначе.

Он раз за разом выбивал пряди, бросая их на лицо и шею.

Будь настроение получше, она наверняка съязвила бы:

— Великолепно. Даже погода решила нарушить мои личные границы.

Глаза у неё были светло-карими, с золотистыми искрами на солнце. Она замечала детали почти автоматически: чужие жесты, интонации, случайные взгляды — то, что большинство людей пропускали мимо.

Иногда это помогало.

Иногда хотелось хотя бы ненадолго выключить голову и перестать всё анализировать.

Люди редко видели её по-настоящему раздражённой. Не потому, что она была спокойной. Просто слишком хорошо научилась делать вид, будто всё в порядке.

На ней были тёмные джинсы, серое худи поверх чёрной майки, удобные кроссовки и кожаный рюкзак.

Обычная городская одежда. Такая, в которой легко раствориться в толпе. Так она и жила — не задерживаясь, не выделяясь, не останавливаясь.

До сегодняшнего дня.

Через парк Алина шла почти на автомате.

В наушниках звучал подкаст, который она давно перестала слушать. Он превратился в привычный фоновый шум, заглушавший собственные мысли.

В руке лежал телефон.

Большой палец машинально листал старую переписку.

Не потому, что она надеялась что-то там найти.

Просто одна кнопка всё ещё оставалась нетронутой.

И, кажется, дело было совсем не в чате.

Смешно. Взрослый человек, который умеет принимать решения, договариваться с людьми и брать ответственность за чужие ошибки, не способен удалить несколько И именно в этот момент мир исчез. Просто перестал существовать таким, каким она его знала. Сначала исчез звук. Машины продолжали двигаться, люди шли по дорожкам, ветер качал деревья, но всё это происходило так, будто кто-то выключил саму реальность.

Алина остановилась, медленно сняла наушники. Ничего не изменилось — тишина никуда не исчезла. — Ладно... — негромко произнесла она. Собственный голос прозвучал пугающе громко, и по спине медленно пробежал холод. — Это уже не смешно... Никто не ответил. В следующий миг исчезло всё остальное. Земля ушла из-под ног.

Удара она почти не почувствовала — только влажный холод и мягкость чего-то пружинистого под спиной. В нос ударил запах сырой земли, ладони утонули в мягком мху, а тяжёлый влажный воздух обволакивал со всех сторон. Алина открыла глаза и несколько секунд неподвижно смотрела вверх, затем резко села. Над ней раскинулось чужое небо. Высокие деревья уходили в густой туман, скрывая кроны так далеко, что взгляд терялся где-то среди серебристых стволов.

Она моргнула.

Картина не изменилась.

— Отлично... — тихо сказала она. — Просто отлично.

Осторожно поднявшись, Алина машинально опёрлась ладонью о землю. Мох под рукой едва заметно дрогнул, будто откликнувшись на прикосновение. Она мгновенно отдернула ладонь.

— Нет... — пробормотала она. — Мы сейчас даже не будем обсуждать, почему местная трава ведёт себя разумнее некоторых людей.

Несколько секунд она просто стояла, прислушиваясь к себе. Ничего не болело, голова была ясной. И именно это пугало сильнее всего. Если бы она ударилась, если бы потеряла сознание, если бы это оказалось галлюцинацией — любое объяснение сейчас казалось лучше полного отсутствия объяснений.

Она медленно осмотрелась. Это был лес, но не такой, куда приезжают на пикник или прогулку. Здесь, казалось, никогда не было людей.

Серебристые стволы деревьев поднимались на невероятную высоту, а их кора едва заметно мерцала, словно под ней медленно текло жидкое серебро. Тёмные кроны почти полностью скрывали небо, между огромными корнями мягко светились грибы, будто сама земля дышала слабым внутренним светом. Лес не казался красивым — он казался живым. По-настоящему.

Алина медленно выдохнула.

— Хорошо... Значит, больница отпадает. Её слова растворились в неподвижном воздухе. Она снова посмотрела вокруг.

— Если это галлюцинация, мой мозг сегодня явно превзошёл себя. Обычно он ограничивался тревогой и бессонницей. Ответом была лишь тишина, и почему-то именно она раздражала сильнее всего.

Алина сделала несколько осторожных шагов. Под ногами пружинил мох, а воздух казался непривычно плотным. Сам лес будто наблюдал за каждым её движением. Она остановилась.

— Нет. Даже не начинай. — Она посмотрела на ближайшее дерево.

— Я не собираюсь разговаривать с лесом. Пока... Она достала телефон, но экран остался чёрным. Кнопка питания не реагировала. Она нажала ещё раз — безрезультатно.

— Конечно. — Она невесело усмехнулась. — Если моя жизнь решила окончательно превратиться в кошмар, то хотя бы без интернета. Спасибо. Очень заботливо. Телефон остался

мёртвым. Алина ещё несколько секунд смотрела на него, словно тот мог передумать, затем убрала его обратно в карман.

— Итак... — Алина подняла руку. — Вариант первый: шок. — Она загнула палец.

— Второй: серьёзное сотрясение. — Загнула второй. Она замолчала. Третий вариант был настолько нелепым, что даже мысленно произносить его не хотелось.

— Нет. — Она покачала головой. — Мы точно не будем делать вид, что каким-то образом попали в другой мир. Сказав это вслух, Алина неожиданно поняла, насколько неубедительно прозвучали её собственные слова.

Именно в этот момент над лесом раздался протяжный крик. Алина резко подняла голову — это была не птица, и ничего похожего ей раньше слышать не доводилось. Звук тянулся слишком долго, словно нарушая привычные законы природы. Она медленно сняла рюкзак с плеч не потому, что знала, что делать, а просто так было спокойнее. — Великолепно... Чужой лес, неизвестные твари, сломанный телефон. Осталось только дожидаться говорящего медведя, который объявит, что я должна спасти мир... — нервно усмехнулась она.

И в этот момент лес ответил. Сначала Алина решила, что это ветер. Потом — что усталость наконец добралась до её головы. Но ветер не произносит слова и уж точно не говорит прямо внутри сознания. «Чужая... Пришла... Открылась...» Голос не звучал — он возник сразу в мыслях: тяжёлый, древний, лишённый интонации. Алина медленно попятилась. — Нет... Сегодня с меня достаточно. — Пальцы сами собой сжались в кулаки. — Можно хотя бы без разговаривающего леса? Ответа не последовало. Только тяжёлая, звенящая тишина. Алина глубоко вдохнула. — Либо я окончательно сошла с ума... — Она нервно усмехнулась. — ...либо это худший день в истории человечества.

За спиной тихо хрустнул камешек. Алина резко обернулась. На невысоком валуне сидела белая ласка — совсем небольшая, почти хрупкая. Её шерсть казалась не просто белой — в ней будто скрывалось мягкое внутреннее свечение. Едва заметное, словно лунный свет задержался на каждом волоске. В тёмных глазах мерцали серебристые искры.

Но странным было даже не это. Ласка смотрела на неё внимательно и слишком осмысленно — не как зверёк, встретивший человека, а как кто-то, кто пытался её понять. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, пока ласка не наклонила голову... и неожиданно не чихнула.

Алина моргнула. Напряжение, державшее её всё это время, вдруг треснуло, и она тихо рассмеялась. — Ну конечно... Почему бы и нет? — Смех вышел усталым, почти беззвучным. Ласка лишь спокойно продолжала смотреть на неё.

— Не смотри так, — сказала Алина, качнув головой. — Я вообще-то из последних сил пытаюсь сохранить остатки психики. Зверёк моргнул. — И если ты понимаешь всё, что я говорю... это уже очень плохая новость. Ласка снова наклонила голову, будто обдумывала её слова.

Алина прищурилась. — Ты меня сейчас осуждаешь? — В ответ была тишина. — Невежливо. Я только что проиграла спор зверю, который даже разговаривать не умеет. Ласка легко прыгнула с камня, бесшумно подошла и вдруг ухватила зубами край её джинсов. — Ай! Ты что творишь? — Алина дёрнула ногой. Ласка отпустила ткань, спокойно отошла и снова посмотрела на неё.

— Ты серьёзно? — спросила Алина. В ответ была тишина. — Проверяешь меня?

Ласка медленно моргнула, будто подтверждая её догадку.

— Конечно проверяешь...

Зверёк развернулся и направился вглубь леса. Через несколько метров остановился и обернулся. Ждал.

Алина тяжело вздохнула.

— Нет. Даже не думай.

Ласка не шелохнулась.

— Я не собираюсь идти за неизвестным светящимся зверем в неизвестный лес.

Она оглянулась. Позади всё ещё стоял туман. Незнакомые деревья. Мёртвый телефон в кармане. И ни одного другого пути.

Алина снова посмотрела на ласку. Та терпеливо ждала.

— Господи... Я действительно сейчас это сделаю. Она закрыла глаза и выдохнула. — Хорошо. Но если это ловушка — я буду очень злой жертвой.

Ласка, словно получив нужный ответ, спокойно двинулась дальше.

Чем глубже они уходили, тем сильнее менялся лес. Расстояния переставали подчиняться привычной логике: дерево, которое секунду назад казалось далёким, вдруг оказывалось рядом, тропа незаметно изгибалась, а корни словно сами меняли направление. Туман жил своей жизнью.

Алина старалась не обращать на это внимания.

— Слушай... — она переступила через огромный корень. — Если ты действительно меня понимаешь, у меня есть вопросы.

Ласка не обернулась.

— Где я? Почему оказалась здесь? И почему ты выглядишь как милый пушистый комок, но ведёшь себя так, будто знаешь обо всём?

Зверёк неожиданно остановился. Алина замерла, ожидая ответа. Ласка смотрела не на неё. Куда-то вперёд. И в этот момент лес вздрогнул. Где-то впереди раздался тяжёлый треск — словно что-то огромное ломало деревья, даже не пытаясь обходить их.

Треск повторился. Ближе.

Алина медленно повернула голову.

— Нет... Она нервно усмехнулась. — Только не говори, что это следующий уровень сегодняшнего безумия. Ласка не двигалась. Но её взгляд изменился. Спокойствия больше не было, его заменила настороженность.

И именно это испугало Алину сильнее самого звука.

Если существо, которое не боялось говорящего леса, вдруг напряглось — значит, бояться действительно было чего.

Из тумана показались два красных огня.

Глаза.

Высоко над землёй.

Затем появилась голова — широкая, непропорционально вытянутая. Следом из тумана вышло огромное тело, напоминающее волка, если бы волки достигали размеров медведя, а их спины покрывали костяные рога.

Одного его присутствия хватало, чтобы воздух стал тяжелее.

Чудовище сделало шаг. Земля дрогнула.

Монстр низко зарычал, и звук прокатился по лесу тяжёлой волной.

Ласка сорвалась с места.

— Серьёзно?! Алина бросилась следом. — Это и есть наш план?!

Лес превратился в хаос. Ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, а где-то совсем рядом с треском падали деревья. За спиной раздавался тяжёлый топот — слишком близко.

Она больше не думала ни о доме, ни о прошлом, ни о работе.

Мир сузился до одного желания.

Успеть.

Ещё шаг.

Ещё один.

Только не останавливаться.

Впереди мелькала белая спина. Почти догнала. Ещё немного...
Но нога зацепилась за корень.
Мир перевернулся. Алина рухнула на землю, выбив воздух из лёгких. Она сразу поняла — не успеет.
За спиной раздался рёв.
Она подняла голову.
Чудовище уже прыгнуло.
Время остановилось.
Между ними вспыхнул ослепительно-белый свет. Лес замер. Исчез даже ветер.
Перед Алиной стояла ласка.
Но уже не та маленькая зверушка, что вела её через чащу.
Вокруг неё струилось живое сияние, дрожал воздух, а сам лес будто склонился перед этим светом.
Монстр застыл.
В его красных глазах впервые появился страх.
Не ярость.
Не ненависть.
Страх.
Он узнал её.
В следующее мгновение чудовище исчезло — без вспышки, без крика, без следа, словно его стёрли из самой ткани мира.
На месте, где оно стояло, осталась лишь странная пустота.
Потом исчезла и она.
Свет погас.
Лес снова задышал. Ветер коснулся листвы.
Алина ещё несколько секунд сидела на земле, пытаясь осознать увиденное, затем посмотрела на ласку. Та выглядела как прежде — маленькая, белая и спокойная, будто ничего не произошло.
— Подожди... — голос Алины дрогнул. — Ты сейчас просто взяла и стёрла из реальности огромного монстра?
Ласка невозмутимо моргнула. Алина тихо рассмеялась — скорее от бессилия. — Конечно. Почему бы и нет? — Она устало провела ладонью по лицу и несколько секунд молча смотрела на зверька.
— Знаешь... Меня пугает даже не то, что ты умеешь такое. Она замолчала. — А то, что ты сделала это ради меня.
Ласка ничего не ответила.
Но впервые за весь этот странный день Алина почувствовала, что совсем одна она уже не осталась.
К вечеру лес изменился.
Туман стал реже, сквозь кроны начал пробиваться тёплый золотистый свет, а тропа больше не пыталась увести их в сторону.
Алина шла молча.
Слишком многое произошло за один день: исчезновение, чужой мир, живой лес, монстр и белая ласка, способная одним взглядом стереть его из реальности.
Даже для человека с хорошей фантазией это было слишком.

Глава 2

Девушка двинулась дальше по дороге. Вскоре впереди послышался тихий шум воды. Маленький ручеек пересекал тропинку, искрясь и плавно стекая между отполированными камнями.

Алина опустилась на колени. Ледяная вода приятно обожгла ладони, и она умылась, долго не поднимая головы.

Когда она наконец выпрямилась, белая ласка уже сидела на большом камне неподалёку и спокойно наблюдала за ней.

— Всё. Теперь поговорим.

Девушка вытерла лицо рукавом.

— У меня накопилось слишком много вопросов.

Она начала загибать пальцы.

— Первый вариант: ты просто невероятно умная ласка.

— Второй: дух этого леса. Она замолчала. Перед глазами снова вспыхнул белый свет.

Монстр. Страх в его глазах. То, как он исчез.

Девушка медленно подняла взгляд.

— А третий вариант...

Пауза.

— Кто ты такая? Несколько секунд ничего не происходило.

Потом ласка спокойно произнесла:

— Наконец-то ты спросила.

Она замерла на месте и медленно обернулась.

— Подожди... — прошептала она.

Она моргнула, словно пытаясь убедиться, что не ослышалась.

— Это ты сейчас сказала?

— Да.

— Нет... Она медленно подняла ладонь, будто перед ней стоял не зверёк, а слишком сложная задача по магической логике.

— Так. Стоп. Пауза. Всем замереть. — Она закрыла глаза и глубоко вдохнула.

— Хорошо. Я приняла магический лес. Приняла странные деревья. Приняла монстров.

Она открыла один глаз и посмотрела на ласку. — Я даже как-то пережила тот факт, что ты умудрилась победить монстра, который был размером с небольшой дом. — Она медленно покачала головой. — Но разговаривающая ласка? — Она указала на зверька пальцем.

— Нет. Извини. Вот тут мой внутренний запас удивления официально закончился. — Она устало потерла лицо.

— Я была готова к проклятиям, древним тайнам и смертельным ловушкам. — Она выдержала короткую паузу, словно сама не верила в то, что собиралась сказать. — Но к тому, что однажды буду на полном серьёзе обсуждать что-то с лесным грызуном, жизнь меня точно не готовила.

Белый зверёк легко прыгнул с камня и мягко приземлился на землю.

— Когда ты нервничаешь, тебя невозможно остановить. И, к слову, я вовсе не грызун, Меня зовут Мирель — невозмутимо произнесла она.

Девушка уставилась на неё.

— Подожди... Ты сейчас ещё и анализируешь меня?

— Немного.

— Немного?... — выдохнула она, с трудом сдерживая подступающую истерику.

Она недоверчиво прищурилась.

— То есть всё это время ты молча шла рядом, наблюдала за мной, изучала мои реакции, а теперь решила сообщить, что ещё и разбираешь моё поведение?

Мирель едва заметно склонила голову.

— Болтовня — твой способ прятать страх.

Девушка замерла. На мгновение она открыла рот, собираясь возразить, но тут же закрыла его.

— Замечательно. — Она устало рассмеялась и провела рукой по волосам. — Просто замечательно. Я попала в неизвестный мир. За мной гонялось чудовище. Я чуть не погибла. А теперь выясняется, что мой единственный проводник — маленький белый зверёк, который молча шёл рядом и мысленно ставил мне оценки за эмоциональное состояние.

Мирель спокойно моргнула. Ни тени смущения, ни попытки оправдаться — только привычное безмятежное выражение, словно разговор развивался совершенно естественно.

— Я не ставила оценки.

Девушка недоверчиво нахмурилась.

— А что тогда делала?

— Наблюдала.

Это слово прозвучало так просто, будто объясняло абсолютно всё.

Девушка медленно прищурилась.

— Наблюдала?

— Да.

Она несколько секунд молча смотрела на белую ласку, ожидая, что та наконец улыбнётся или признается, что пошутила. Но Мирель лишь терпеливо ждала следующего вопроса.

— То есть ты просто шла рядом, смотрела, как я паникую, и думала: «Любопытно. Испытуемый повысил громкость голоса примерно на тридцать процентов. Вероятно, испытывает страх»?

Мирель слегка склонила голову, будто мысленно сверялась с собственными воспоминаниями.

— Примерно так.

Повисла тишина.

Где-то в кронах шелестел ветер. Вдалеке защелкала птица, но даже этот звук казался неуместным рядом с тем, что только что прозвучало.

Девушка медленно провела ладонью по лицу.

— Ты понимаешь, насколько это пугающе звучит?

Мирель моргнула.

— Почему? — искренне не поняла она.

— Потому что так обычно говорят либо очень умные учёные, либо странные существа из леса.

Ласка спокойно встретила её взгляд.

— Я существо из леса.

Девушка тяжело вздохнула и устало запрокинула голову к небу.

— Да, спасибо. Я уже догадалась. Особенно после того, как ты заговорила.

Она покачала головой, словно пыталась вытрясти из неё весь сегодняшний день.

— Я уже смирилась с магией. Смирилась с монстрами. Даже смирилась с тем, что ты можешь победить нечто размером с дом.

Она указала пальцем на Мирель.

— Но я совершенно не была готова к тому, что мой новый спутник окажется маленьким пушистым специалистом по моим психологическим проблемам.

Мирель ненадолго задумалась.

— Специалистом?

— Ну да. Осталось только выяснить, что ты дипломированный психолог.

— Не знаю, что это.

Девушка шумно выдохнула и даже прикрыла глаза от облегчения.

— Слава богам.

— Почему?

— Потому что если бы ты сейчас сказала, что у тебя есть диплом, кабинет и расписание приёма, я бы просто легла на землю и перестала сопротивляться происходящему.

Мирель на мгновение замерла.

Казалось, она всерьёз обдумывает эту возможность.

— Я могу попробовать составить расписание.

Девушка резко открыла глаза.

— Нет.

— Почему?

— Потому что у меня очень плохое предчувствие. Я чувствую, что ты действительно это сделаешь.

— Разумеется.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что спорить с ним было бессмысленно.

Девушка обречённо застонала и потёрла переносицу.

— Почему меня это вообще уже не удивляет?..

Мирель ничего не ответила.

Белый зверёк бесшумно подошёл ближе. Её движения были плавными и осторожными, почти кошачьими. Маленькие лапы едва касались земли, а пушистый хвост мягко покачивался в такт шагам. Во всей её манере держаться сохранялась та же невозмутимая уверенность, будто разговор о дипломах, психологах и человеческих страхах был самым обычным делом на свете.

Девушка посмотрела на неё долгим взглядом и вдруг тихо рассмеялась.

Смех вышел усталым, немного нервным, но искренним.

— Знаешь... — сказала она, качая головой. — Если ты ещё научишься заваривать чай и задавать вопрос «Что ты чувствуешь?», я окончательно поверю, что лес решил надо мной поиздеваться.

Мирель задумалась.

— Чай я, кажется, умею.

Девушка лишь тихо простонала и закрыла лицо ладонями.

Некоторое время они просто сидели у ручья.

Никто не говорил. Да и слова сейчас казались лишними.

Вода негромко журчала между гладкими камнями, унося вниз по течению опавшие листья. Лёгкий ветерок лениво перебирал кроны деревьев, и где-то высоко над головой перекликались птицы. После бесконечной погони, страха и битвы эта тишина казалась почти нереальной.

Алина сидела, обхватив руками колени, и молча смотрела на бегущую воду.

Лес больше не выглядел враждебным.

По крайней мере, сейчас.

Она глубоко вдохнула. Воздух пах сырой землёй, мхом и прохладой ручья. Сердце наконец перестало колотиться так, будто всё ещё пыталось убежать от пережитого.

Мирель неподвижно сидела рядом на большом камне. Белая шерсть едва заметно колыхалась на ветру, а взгляд был устремлён куда-то вдаль, словно она слышала то, чего не мог услышать человек.

— Мирель...

Ласка подняла голову.

— Ты знала, что я появлюсь?

Несколько мгновений она молчала. Не потому, что искала ответ, а словно размышляла, насколько его вообще стоит произносить.

— Нет.

Алина нахмурилась.

— Тогда почему спасла меня?

Мирель перевела на неё спокойный взгляд.

— Потому что иначе ты бы умерла.

Ответ прозвучал так просто, словно речь шла о чём-то совершенно очевидном.

Алина невесело усмехнулась.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Девушка шумно выдохнула, потирая ладонями лицо.

— Ты невозможная.

Мирель едва заметно моргнула.

— Мне уже говорили.

— Часто?

— За последние несколько тысяч лет — да.

Алина замерла.

Мир вокруг словно на мгновение стих.

Она медленно повернула голову к Мирель.

— Сколько?..

Ласка ничего не ответила.

Не отвела взгляд. Не улыбнулась. Не попыталась исправиться.

И именно поэтому Алина поняла: Мирель не преувеличивает.

По спине пробежал холодок.

«Несколько тысяч лет...»

Она уже собиралась задать ещё десяток вопросов, но вовремя остановила себя.

Нет.

Не сейчас.

Почему-то ей казалось, что ответы окажутся куда страшнее любых догадок.

Они поднялись и продолжили путь.

Тропа постепенно становилась шире, а густые заросли редели. Всё чаще между стволами пробивался солнечный свет, ложась на землю золотистыми пятнами. Воздух становился суше, а запах хвои понемногу смешивался с ароматом дыма.

Алина первой уловила его и невольно ускорила шаг.

Ещё несколько минут — и деревья наконец расступились.

Перед ними раскинулась широкая долина.

По зелёным лугам лениво гулял ветер, колыхая высокую траву. Где-то вдали паслось небольшое стадо животных, а тонкая лента дороги тянулась к небольшой деревне.

Из каменных труб неспешно поднимался дым. На огородах работали люди, между домами бегали дети, а возле колодца кто-то оживлённо разговаривал. До них доносился далёкий лай собаки и размеренный стук топора.

Обычная жизнь.

Настолько обычная, что после всего произошедшего казалась почти невероятной.

Алина остановилась.

После всего пережитого она ожидала увидеть что угодно.

Развалины древнего города.

Палящие башни.

Огромный замок.

Но никак не деревню, выглядевшую так мирно, будто за её окраиной не существовало леса, полного чудовищ, древней магии и существ, проживших несколько тысяч лет.

Перед Алиной раскинулась самая обычная деревня.

Невысокие каменные дома с деревянными крышами теснились вдоль широкой улицы. Из труб лениво поднимался сизый дым, смешиваясь с запахом свежего хлеба и дров. Где-то звонко смеялись дети, гоняясь друг за другом между заборами. Мужчина у поленницы размеренно колол дрова, неподалёку женщина несла полные вёдра воды, а у открытых дверей кузницы раздавался ритмичный звон молота.

Жизнь здесь текла своим чередом.

Спокойная.

Обыденная.

И именно это показалось Алине самым невероятным.

Она тихо рассмеялась, всё ещё не веря собственным глазам.

— Серьёзно?

Покачав головой, она обвела деревню взглядом.

— После всего этого... меня встречает обычная деревня?

Не успела она сделать и нескольких шагов, как Мирель одним лёгким прыжком оказалась у неё на плече. Маленькие лапы уверенно нашли опору, а пушистый хвост мягко коснулся её спины.

Алина покосилась на неожиданную пассажирку.

— Даже ты решила, что так удобнее?

Ласка устроилась поудобнее.

— Конечно.

— Похоже, моё мнение здесь вообще никого не интересует.

В ответ Мирель лишь едва заметно шевельнула ушами.

Они вошли в деревню.

Первым их заметил мужчина у колодца. Он уже поднимал полное ведро, когда его взгляд скользнул по Алине и остановился на белоснежной ласке у неё на плече.

Мужчина застыл.

Пальцы разжались сами собой.

Ведро сорвалось вниз и с громким всплеском исчезло в колодце.

Звук эхом прокатился по улице.

Разговоры оборвались.

Люди один за другим оборачивались в их сторону. Кто-то невольно сделал шаг назад, женщина поспешно увела ребёнка себе за спину, а старый плотник так и остался стоять с поднятым топором.

Никто не смотрел на Алину.

Все взгляды были прикованы к Мирель.

По толпе пробежал взволнованный шёпот.

— Она...

— Не может быть...

— Белая Хранительница...

Алина растерянно огляделась.

— Мне кажется... — тихо произнесла она. — Или они знают тебя гораздо лучше, чем я. Мирель промолчала.

Из толпы медленно вышел седой старик.

Его походка была неторопливой, но уверенной. Подойдя ближе, он долго смотрел на Мирель, словно боялся, что видение исчезнет, стоит ему моргнуть. Затем его взгляд остановился на Алине.

Он медленно коснулся ладонью собственного лба.
Через мгновение этот жест повторили остальные жители.
По деревне словно прокатилась невидимая волна.
Никто не кланялся.
Это было не поклонение.
Это было глубокое, почти священное уважение.
Алина растерянно перевела взгляд с людей на Мирель.
— Что сейчас произошло?
Из толпы вышла пожилая женщина.
— Мы приветствуем Хранительницу, — тихо сказала она.
— То есть...
Алина медленно повернулась к Мирель.
— Ты всё-таки очень важная персона?
— Немного.
Алина прикрыла глаза.
— Мирель.
— Да?
— Слово «немного» сейчас явно используется неправильно.
По толпе пробежали едва заметные улыбки.
Кто-то тихо усмехнулся.
Напряжение слегка отступило, но не исчезло совсем.
Старик сделал ещё один шаг.
— Мы ждали этого дня очень долго.
— Меня?
Он покачал головой.
— Нет.
Его взгляд вновь остановился на Мирель.
— Ту, кого она однажды приведёт.
Воздух словно стал тяжелее.
Алина почувствовала, как внутри снова просыпается тревога.
— Подождите...
Она подняла ладонь, будто надеясь остановить следующие слова.
— Только не говорите, что это пророчество.
Старик ничего не ответил.
И этим ответил лучше любых слов.
Алина медленно закрыла глаза.
— Конечно...
Она тихо, почти обречённо рассмеялась.
— Человек исчезает по дороге домой... Попадает в другой мир... Его спасает древнее существо... А потом выясняется, что существует пророчество.
Она посмотрела на Мирель.
— Ты ведь знала.
— Догадывалась.
— Это разные вещи?
— Иногда.
Старик вновь заговорил. Голос его был негромким, но каждое слово звучало отчётливо.
— Мы не знали, кто придёт. Не знали, из какого мира. Не знали, когда это случится.
Он сделал короткую паузу.
— Мы знали только одно.

Старик перевёл взгляд на Мирель.

— Она сама выберет того, кто сможет изменить судьбу нашего мира.

По коже Алины пробежал холод. Она медленно посмотрела на маленькую белую ласку. Та спокойно выдержала её взгляд.

— Почему?.. — её голос едва заметно дрогнул. — Почему именно я?

Мирель молчала. Но впервые за всё время в её серебристых глазах промелькнула тихая, почти человеческая печаль.

— Потому что, — негромко сказала она, — ты ещё сама не знаешь, кто ты на самом деле.

Глава 3

Алина проснулась от крика петуха.

Не от будильника. Не от вибрации телефона. Не от привычного потока уведомлений, где каждый почему-то считал, что она обязана отвечать немедленно.

Нет.

Её разбудил настоящий петух — громкий, наглый и настолько уверенный в себе, словно именно он лично каждое утро запускал солнце в небо.

Алина медленно открыла глаза. Несколько секунд она просто смотрела в потолок. Деревянные балки. Потемневшие от времени доски. Никакого телефона на прикроватной тумбочке. Никакого экрана, светящегося непрочитанными сообщениями. Никакого привычного городского шума за окном. Только тишина.

Она медленно выдохнула.

— Ладно... Либо я умерла, либо у меня самый странный отпуск в истории.

С этой мыслью Алина резко села на кровати и тут же с глухим стуком ударилась лбом о низкую потолочную балку.

— Ай!

Она зажмурилась, прижимая ладонь ко лбу. Боль была вполне настоящей. Несколько секунд девушка молча сидела, приходя в себя.

— Прекрасно... Просто прекрасно, — пробормотала она, тяжело вздохнув. — Пережила монстра из другого мира, попала неизвестно куда и едва не погибла от собственного потолка.

Она подняла взгляд на балку, словно та была лично виновата в произошедшем.

— Хорошее начало новой жизни. Очень символично.

Улыбка быстро исчезла.

Всё пережитое накануне нахлынуло разом. Не столько воспоминания, сколько ощущения: ледянящий душу страх, глухой рёв чудовища, белое сияние среди деревьев... и маленькая ласка, спокойно вставшая между ней и существом, способным раздавить целый дом.

Алина медленно опустила руку.

— Значит... всё это действительно было.

Она ещё раз внимательно огляделась.

Комната оказалась небольшой, но удивительно уютной. Стены и пол были сложены из тёмного дерева, потемневшего от времени. Под потолком висели связки высушенных трав, наполняя воздух терпким ароматом полыни, мяты и ещё каких-то незнакомых растений.

В небольшом каменном очаге догорали угли, разбрасывая по комнате мягкие красноватые отблески. Откуда-то снизу доносился запах свежеспечённого хлеба.

За окном слышались голоса людей, лай собаки, стук колёс телеги и всё тот же самоуверенный петух, который, судя по всему, считал своим долгом сообщить о наступлении утра всей округе.

Всё вокруг было чужим.

И всё же...

Почему-то именно это немного успокаивало.

Она перевела взгляд к изножью кровати.

Свернувшись плотным белым клубком, мирно спала Мирель. Даже во сне она выглядела совершенно безмятежной. Лишь кончик пушистого хвоста едва заметно подрагивал, а грудь размеренно поднималась и опускалась с каждым вдохом.

Алина невольно улыбнулась.

После всего, что произошло, видеть её спящей было почти странно.

— Ты спишь? — тихо спросила она, хотя ответ был очевиден.

Один серебристый глаз Мирель медленно приоткрылся.

— Очевидно.

— Я просто проверяла, — немного смутившись, ответила Алина.

— Зачем?

Она на мгновение задумалась, потом неопределённо пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, хотела убедиться, что у меня ещё есть шанс проснуться.

Мирель снова закрыла глаз.

— Если ты ищешь признаки нормальности, советую начать не с меня, — спокойно произнесла она. — Я говорящая ласка, которая уничтожает древних существ.

Она ненадолго замолчала, будто давая Алине время осмыслить сказанное.

— А ты человек, который разговаривает с говорящей лаской и считает это странным лишь наполовину.

Алина открыла рот, собираясь возразить, но быстро передумала.

— Ненавижу, когда ты логичная, — призналась она.

— А я не люблю, когда ты это замечаешь.

Алина тихо фыркнула.

— Ты всегда такая приятная?

— Нет, — невозмутимо ответила Мирель. — Иногда я ещё хуже.

Алина невольно рассмеялась. Смех получился тихим, но искренним.

— Почему-то я ожидала, что ты скажешь что-нибудь вроде: «Я древнее существо. Меня должны уважать».

Мирель ненадолго задумалась, словно всерьёз обдумывала эту мысль.

— Уважение, которое приходится требовать, обычно ничего не стоит.

Алина на несколько секунд замолчала. Она опустила взгляд на одеяло, машинально разглаживая пальцами складку ткани. Слова Мирель прозвучали неожиданно просто, но за этой простотой чувствовалось что-то большее — опыт, накопленный за долгие годы, а может, и века.

— Иногда ты говоришь слишком умные вещи для маленького зверька.

— А иногда ты говоришь слишком глупые вещи для человека.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Алина прищурилась.

— Это был сарказм.

— Я знаю.

Мирель поудобнее свернулась на кровати, подтянув пушистый хвост к боку. Кончики её ушей едва заметно дрогнули, но в остальном она оставалась совершенно спокойной, словно за долгие века уже привыкла ко всему, что мир способен ей преподнести.

— И тебя это совсем не раздражает? — спросила Алина.

— Нет.

— Почему?

Мирель открыла глаза и спокойно посмотрела на неё.

— Потому что меня это не беспокоит.

Алина повернулась к ней, пытаясь разглядеть в серебристых глазах хоть намёк на насмешку или притворство. Но не нашла ничего, кроме привычного спокойствия.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

Мирель слегка склонила голову набок и едва заметно пожала плечами. Ни оправданий, ни попытки показаться мягче — только спокойное принятие.

— Я знаю, какая я.

Алина удивлённо посмотрела на неё.

— И какая же?

— Не самая удобная для окружающих.

— Это очень дипломатичная формулировка.

— Если без дипломатии, то ужасная.

Алина тихо фыркнула.

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— А что мне делать? Каждый раз удивляться?

Она лениво провела ладонью по волосам и поудобнее устроилась на кровати.

— Если я кому-то не нравлюсь, это не конец света.

Алина чуть наклонила голову.

— Даже если это я?

На мгновение в комнате стало совсем тихо.

Мирель открыла оба глаза и внимательно посмотрела на неё.

— Особенно если это ты.

— Почему?

— Потому что ты ещё не знаешь меня достаточно хорошо, чтобы делать окончательные выводы.

Алина несколько секунд молчала, а потом обречённо покачала головой.

— Какая же ты всё-таки невозможная.

В уголках губ Мирель мелькнула едва заметная улыбка.

— Мне уже говорили.

— Тебе хоть когда-нибудь бывает стыдно?

Мирель задумчиво посмотрела в потолок, словно действительно перебирала воспоминания.

— Бывает.

Алина недоверчиво подняла брови.

— Правда?

— Да.

— И когда?

— Когда я случайно оказываюсь права слишком быстро.

Несколько секунд Алина пыталась сохранить серьёзное лицо. Не получилось. Она тихо рассмеялась, качая головой.

— Всё-таки ужасная.

— Зато честная.

— Это должно меня утешить?

— Не обязательно.

Мирель снова закрыла глаза.

— Но, как показывает опыт, честность раздражает гораздо меньше, чем красивая ложь.

В комнате повисает короткая пауза. Мирель даже не открывает глаза, словно сказала нечто совершенно очевидное.

Алина уже открывает рот, чтобы ответить, но подобрать подходящую реплику не успевает.

Дверь резко распахивается.

От неожиданности Алина вздрогнула и машинально схватилась за первое, что оказалось под рукой, будто всерьёз собиралась отбиваться. Мирель лишь лениво приоткрыла один глаз, явно не разделяя её паники.

Дверь с грохотом распахнулась.

В комнату буквально влетела девушка.

Не вошла.

Именно влетела — так, словно двери существовали не для того, чтобы их спокойно открывали, а исключительно для эффектных появлений в самый неподходящий момент.

За её спиной взметнулась длинная рыжая коса. Несколько выбившихся прядей упали на лицо, но девушка даже не попыталась их убрать. Веснушки густо рассыпались по щекам и переносице, придавая её живому лицу ещё больше озорства.

Едва переступив порог, она мгновенно нашла взглядом Алину.

На одно короткое мгновение в комнате повисла тишина.

Даже Мирель, до этого лениво наблюдавшая за происходящим, открыла оба глаза.

Лицо незнакомки озарилось такой искренней радостью, будто она только что убедилась в чём-то очень важном.

— Ты проснулась!

Её голос звенел от восторга, словно пробуждение Алины было самым замечательным событием за сегодняшний день.

Алина медленно перевела взгляд на незнакомку.

Потом — на Мирель.

Потом снова на девушку.

Несколько секунд она просто молчала, будто её мозг отчаянно пытался собрать происходящее в одну логичную картину.

Безуспешно.

— Хорошо...

Она медленно кивнула самой себе, словно только что приняла единственно возможное решение.

— Новый мир.

Подняла один палец.

— Говорящая ласка.

Второй.

— Станный лес.

Третий.

— Люди, которые входят без стука.

Она ещё раз обвела комнату взглядом и с самым серьёзным выражением лица подвела итог:

— Да.

Повисла короткая пауза.

— Чувствую себя абсолютно нормально.

Мирель, всё так же удобно устроившись на кровати, невозмутимо наблюдала за ней.

— Удивительно.

Она выдержала небольшую паузу.

— Она всё ещё держится.

Алина мгновенно повернулась к ней.

— Я всё слышу.

Мирель едва заметно приподняла бровь.

— Жаль.

— Что значит «жаль»?

— Я надеялась, что это была временная потеря слуха.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина.

Рыжеволосая девушка, всё ещё стоявшая у двери, переводила взгляд с одной на другую, словно пыталась понять, шутят они или разговаривают так всегда.

Потом уголки её губ дрогнули.

Она тихо хихикнула.

Ещё через мгновение не выдержала и звонко рассмеялась.

— Вы всегда такие?

Алина и Мирель одновременно повернули к ней головы.

— Да, — спокойно ответила Мирель.

— Нет, — в тот же момент сказала Алина.

Они замолчали и медленно посмотрели друг на друга.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

— Это было убедительно, — сухо заметила Мирель.

— Замолчи, — устало ответила Алина.

— Я именно на это и рассчитывала.

Рыжеволосая девушка у двери улыбнулась, словно именно такой реакции и ожидала. В её взгляде не было ни удивления, ни неловкости — скорее, лёгкое любопытство и искренняя симпатия.

— Я Лада.

— Алина.

— Я знаю.

Алина медленно закрыла глаза.

— Конечно.

Она уже начинала подозревать, что в этом мире совершенно невозможно произнести хоть одну фразу, после которой не последует что-то ещё более странное.

— О тебе говорит вся деревня.

— Отлично...

Алина откинулась назад и уставилась в потолок с выражением человека, который уже успел устать от происходящего, хотя день только начался.

— Я здесь меньше суток, а у меня уже есть собственная легенда.

— Не легенда.

Алина перевела на неё взгляд.

— А что?

— Предварительная история.

— Звучит ещё хуже.

Несколько секунд Алина просто смотрела на неё, пытаясь понять, шутит Мирель или действительно считает это нормальным способом поддержать человека.

— Ты вообще умеешь поддерживать?

— Да.

— Не легенда.

Алина перевела на неё взгляд.

— А что?

— Предварительная история.

— Звучит ещё хуже.

Несколько секунд Алина просто смотрела на Мирель, пытаясь понять, как именно она умудряется превращать любую попытку поддержки в что-то тревожное.

— Ты вообще умеешь поддерживать?

— Да.

Пауза.

— Просто редко использую этот навык.

— Конечно.

— Я берегу ресурс.

Лада снова рассмеялась, прикрывая улыбку ладонью.

— Кажется, мне вы уже нравитесь.

Алина посмотрела на неё с лёгким удивлением.

— Это после пяти минут знакомства?

Лада пожала плечами.

— Вы забавные.

— Не уверена, что это слово обычно используют в таких ситуациях.

— А я уверена.

Она улыбнулась, переводя взгляд с Алины на Мирель.

Кажется, Лада была единственным человеком в деревне, который не смотрел на Алину так, будто перед ним находилось либо древнее пророчество, либо ходячая причина конца света.

Что, учитывая последние события, было довольно приятно.

Почти.

— Значит, ты правда ничего не помнишь? — спросила Лада, когда они вышли из деревни и направились по тропинке через лес.

Вокруг всё ещё было слишком много незнакомого.

Странные растения, которых Алина никогда раньше не видела. Незнакомые звуки, доносящиеся из глубины чащи. И странное ощущение, будто сам лес наблюдал за каждым их шагом.

Алина пожала плечами.

— Я помню достаточно.

Лада повернула голову к ней.

— Например?

Алина посмотрела вперёд, пытаясь собрать обрывки воспоминаний в хоть какую-то последовательность.

— Я помню, что проснулась в лесу.

Она ненадолго замолчала.

— Помню, что на меня напало нечто, которое нарушало все законы природы.

Её взгляд сам собой переместился на Мирель, спокойно сидящую у неё на плече.

Белая ласка смотрела вперёд с таким невозмутимым выражением, будто разговор шёл не о чудовище, способном уничтожить всё вокруг, а о совершенно обычной прогулке.

— Потом появилась она.

Мирель даже не повернула головы.

— Прошу заметить, я была самым разумным моментом во всей этой истории.

Алина медленно покосилась на неё.

— Ты говорящая ласка.

— И всё равно.

— Ты называешь себя разумным моментом?

Мирель слегка пошевелила ушами.

— На фоне остальных событий — да.

Алина открыла рот, чтобы возразить, но остановилась.

Потому что, к сожалению, в этом была логика.

— Ненавижу, когда ты права.

— Это тоже часто происходит.

— Я заметила.

— Хорошо.

Лада, шедшая рядом, тихо улыбнулась, наблюдая за их перепалкой.

— Вы всегда так разговариваете?

Алина и Мирель одновременно посмотрели на неё.

— Да, — ответила Мирель.

— Нет, — одновременно сказала Алина.

Они снова замолчали и переглянулись.

Лада рассмеялась.

— Она всегда такая?

— Да, — одновременно ответила Алина.

— Нет, — в тот же момент сказала Мирель.

Они обе замерли.

Алина медленно повернула голову к ней.

Мирель спокойно встретила её взгляд.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

— Это было лучше, чем я ожидала, — наконец произнесла Мирель.

Алина нахмурилась.

— Что именно?

— То, что ты всё ещё споришь со мной.

Алина фыркнула.

— Не надейся.

— Поздно.

— Ты уничтожила чудовище и всё равно потом спорила со мной о том, кто был прав.

— И всё ещё остаюсь права, — невозмутимо ответила Мирель.

Алина закатила глаза.

— Ты вообще умеешь говорить «я ошиблась»?

Мирель задумалась.

Она действительно задумалась.

Не для вида и не чтобы придумать остроумный ответ — казалось, она всерьёз пыталась вспомнить последний раз, когда ей приходилось произносить эти слова.

Лада с любопытством посмотрела на неё, ожидая ответа.

— Да, — наконец сказала Мирель.

Алина удивлённо подняла брови.

— Правда?

— Конечно.

Небольшая пауза.

— Просто это происходит крайне редко.

Алина прикрыла лицо ладонью.

— Конечно.

— Но происходит.

— Ты сейчас пытаешься убедить меня или себя?

Мирель слегка склонила голову.

— Я констатирую факт.

Лада снова рассмеялась, уже не пытаясь скрыть улыбку.

Мирель выглядела настолько серьёзной, что Алина почти поверила: на этот раз она действительно собирается дать честный ответ.

— Да.

Алина удивлённо посмотрела на неё.

— Правда?

— Конечно.

Пауза.

— Просто не вижу причин использовать это.

Алина медленно закрыла глаза.

— Вот.

Она посмотрела на Ладу.

— Видишь?

— Что?

— Это именно то, о чём я говорю.

Лада улыбнулась.

— Вы всегда так разговариваете?

— К сожалению, да, — одновременно ответили Алина и Мирель.

Они замолчали и медленно посмотрели друг на друга.

Несколько секунд длилось молчание.

Алина первой отвернулась.

— Ладно.

Небольшая пауза.

— Это было странно.

— Согласна, — спокойно сказала Мирель.

Алина резко повернула к ней голову.

— Ты согласилась?

— Да.

— Запомню этот день.

— Не преувеличивай.

— Я только что получила согласие от существа, которое считает себя мудрее всех живых.

Мирель посмотрела на неё.

— Я не считаю.

Алина прищурилась.

— Ты уверена?

— Я знаю.

Она сказала это настолько спокойно, что Алина на мгновение даже не нашлась с ответом.

— Ты специально оставляешь паузы, чтобы звучать важнее?

Мирель слегка задумалась.

— Иногда.

Пауза.

— Работает.

Алина открыла рот, чтобы возразить.

Но не стала.

Потому что, к сожалению, работало.

Дубовая Лощина оказалась совсем не такой, какой Алина её представляла.

Она ожидала увидеть место, наполненное тайнами и древней магией. Возможно, старинные башни, загадочные символы на стенах или хотя бы что-то, что напоминало бы о том, что она попала в другой мир.

Но вместо этого перед ней была обычная деревня.

Тёплые дома.

Люди, занятые привычными делами.

Дети, бегущие по улицам.

Смех, разговоры и запах свежего хлеба.

И всё же...

Теперь, после того как она узнала о Мирель и услышала слова старика о пророчестве, эта простота казалась ещё более странной.

Потому что иногда самые обычные места скрывают самые необычные истории.

Алина почему-то представляла деревню совсем иначе.

Как в сказках.

Красивые аккуратные домики с резными окнами. Добрые люди, которые встречают путников улыбками. Может быть, кто-нибудь обязательно протянет ей кусок свежего хлеба и скажет что-то вроде:

«Ты избранная».

Реальность оказалась гораздо прозаичнее.

Дубовая Лощина была не сказочной картинкой.

Она была живой.

Слишком живой.

Дома стояли близко друг к другу, словно их строили не ради красоты, а потому что главное было — успеть поставить стены до наступления холодов. Тёмное дерево хранило следы времени, дождей и ветров. Крыши выглядели так, будто каждый год заключали отдельное перемирие с непогодой и пока каким-то чудом его соблюдали.

На улицах пахло дымом, землёй и свежим хлебом.

Кто-то чинил забор.

Кто-то нёс корзину с овощами.

Кто-то спорил у колодца.

А куры...

Куры ходили там, где им хотелось.

И, судя по их важному виду, были абсолютно уверены, что именно они являются главными жителями деревни.

Алина проводила взглядом одну особенно наглую птицу, которая неспешно перешла дорогу прямо перед ними.

— По-моему, она даже не собирается уступать.

Мирель посмотрела вслед курице.

— Разумное решение.

Алина удивлённо повернулась к ней.

— Ты сейчас похвалила курицу?

— Я признала её уверенность.

— Конечно.

— Уверенность часто важнее размера.

Алина бросила взгляд на маленькую белую ласку у себя на плече.

— Слушай, мне начинает казаться, что это твой жизненный принцип.

Мирель спокойно посмотрела вперёд.

— Возможно.

— Ты понимаешь, что это звучит как что-то, что ты бы сказала о себе?

— Да.

— И тебя это не смущает?

— Нет.

Алина только вздохнула.

Иногда Алина начинала подозревать, что Мирель могла выиграть любой спор просто потому, что у неё никогда не заканчивалось спокойствие.

В этот момент одна из куриц неторопливо вышла прямо на дорогу перед ними и остановилась.

Просто посмотрела.

Алина тоже остановилась.

Несколько секунд они молча изучали друг друга.

— Она меня оценивает? — тихо спросила Алина.

Лада посмотрела на птицу.

— Возможно.

Алина перевела взгляд на неё.

— Почему «возможно»?

— Потому что это Кира.

Лада сказала это таким тоном, будто имя курицы объясняло абсолютно всё.

— Она оценивает всех.

Алина снова посмотрела на птицу.

Кира стояла неподвижно, слегка наклонив голову, и выглядела так, будто действительно принимала какое-то важное решение.

— Даже людей?

— Особенно людей.

Мирель подняла голову с плеча Алины и внимательно посмотрела на курицу.

— Умная птица.

Алина медленно повернула к ней голову.

— Ты сейчас похвалила курицу?

— Да.

— Почему?

Мирель ещё несколько секунд смотрела на Киру.

— Она молчит.

Пауза.

— Уже лучше половины деревни.

Алина закрыла глаза.

— Ты ужасна.

— Я наблюдательна.

— Иногда разница между этими словами очень маленькая.

— Для некоторых.

Кира ещё мгновение постояла перед ними, словно завершала свою проверку.

Затем важно развернулась и ушла дальше по улице.

Алина проводила её взглядом.

— Не могу поверить, что меня только что оценивала курица.

Лада улыбнулась.

— Привыкай. В Дубовой Лощине у каждого есть своё мнение.

Алина посмотрела на Мирель.

— Даже у кур?

Мирель спокойно кивнула.

— Особенно у кур.

Глава 4.

Утро отъезда выдалось серым и тяжёлым.

Небо над Дубовой Лощиной нависло так низко, что казалось — ещё немного, и оно придавит деревню к земле, не давая ей ни вдохнуть, ни сделать шаг вперёд.

Сырой воздух лип к одежде, волосам, коже, напоминая: всё происходящее — настоящее. Обратной дороги уже нет.

Алина почти не спала.

Она лежала, глядя на тёмные балки потолка, и слушала, как в очаге медленно угасает огонь. Угли потрескивали редко, с длинными паузами, словно сами не спешили расставаться с теплом.

Мысли не отпускали.

Город, оставшийся где-то **там**.

И этот мир, ставший её **здесь**.

С каждым днём воспоминания о прежней жизни теряли чёткость. Будто кто-то осторожно стирал их, оставляя лишь размытые очертания.

И Каэл.

Его спокойный, внимательный взгляд.

Будто он с самого начала знал, что она согласится отправиться с ним. Просто ждал, когда она сама это поймёт.

Когда Алина вышла во двор, деревня уже проснулась.

Из труб поднимался густой дым с запахом сырых дров и свежего хлеба. У колодца кто-то спорил, не повышая голоса. Дети носились между домами, поднимая грязь и смех. Собаки лениво облаивали прохожих, а куры деловито сновали по дворам, словно каждая знала своё дело.

Обычное деревенское утро.

И именно поэтому оно вдруг кольнуло сердце.

Так выглядят места, которые не отпускают легко.

Тиха подошла почти бесшумно.

В руках у неё был тяжёлый дорожный мешок.

Алина перехватила ремень и едва удержала его.

— Ты словно собираешь меня в поход на год.

— Потому что ты идёшь туда, где год — не такой уж большой срок.

Она говорила спокойно, без улыбки.

Но заботы в её голосе было больше, чем в любых утешениях.

— Здесь хлеб, сыр, вяленое мясо. И травы.

— Травы?

— От всего, что ты ещё не успела подхватить по дороге.

Алина невольно усмехнулась.

— Очень обнадеживает.

— Зато честно.

Разговор закончился сам собой.

Тиха всегда предпочитала дело словам.

Лада появилась неожиданно.

Подбежала к Алине и крепко обняла её, так резко, что та едва удержалась на ногах.

— Ты вернёшься.

Не вопрос.

Не просьба.

Уверенность.

— Постараюсь.

Лада сразу отстранилась.

— Нет.

Она смотрела прямо в глаза.

— Не «постараюсь», — Лада ненадолго замолчала, словно давая этим словам осесть, и тихо произнесла: — Просто вернись.

У Алины не нашлось ответа.

Староста Радомир подошёл последним.

Он остановился напротив неё, несколько секунд молча изучал её лицо, затем положил тяжёлую ладонь ей на плечо.

— Запомни, — произнёс он. — Ты уходишь не одна.

Алина вопросительно посмотрела на него.

— С тобой теперь лес. Деревня. И то, что выше нас всех.

Он перевёл взгляд туда, где за последними домами начинались деревья.

— Ты стала частью того, что уже нельзя отменить.

Эти слова прозвучали не как благословение.

Скорее как принятие неизбежного.

У дороги ждал Каэл.

Он стоял рядом с вороной лошадью неподвижно, словно давно превратился в часть утреннего тумана.

Доспех сидел на нём так естественно, будто был второй кожей. Меч спокойно висел у бедра, не выставленный напоказ.

Но Алина уже знала: здесь спокойствие ничего не говорит о безопасности.

— Ты долго.

— Я прощалась.

Каэл коротко кивнул, будто принимая этот ответ, и после недолгого молчания сказал:

— Люди придают прощаниям слишком большое значение.

Алина подняла бровь.

— А ты никогда не прощаешься?

Каэл ненадолго отвёл взгляд, словно перебирая в памяти что-то давно забытое, и только потом ответил:

— Солдаты не умеют.

В этих словах не было ни сожаления, ни гордости.

Только факт.

И почему-то именно он прозвучал тяжелее любых признаний.

Мирель, устроившаяся на плече Алины, тихо фыркнула.

— Всё равно он мне не нравится.

— Ты говорила это вчера.

— Моё мнение развивается.

— Слишком быстро.

Каэл перевёл взгляд на ласку.

— У тебя странные разговоры с животным.

— Ты ещё не слышал лучшие.

На его лице мелькнула почти незаметная улыбка.

Она исчезла так быстро, что Алина не была уверена, действительно ли её увидела.

Старая королевская дорога уходила на север.

Когда-то по ней шли армии, торговые караваны и посольства. Каждый камень, казалось, помнил тысячи шагов.

Теперь дорога медленно исчезала.

Не разрушалась — забывалась.

Асфальта здесь никогда не было. Только широкие каменные плиты, растрескавшиеся от времени и заросшие мхом. Местами их разрывали толстые корни деревьев, будто сама земля решила вернуть себе то, что когда-то уступила людям.

По обочинам темнели руины сторожевых башен. Камень давно утонул в плюще, а на редких обелисках ещё угадывались почти стёртые руны — остатки языка, которого уже никто не понимал.

Этот мир не казался молодым.

Он выглядел так, словно пережил слишком многое и больше не видел смысла рассказывать об этом.

Первые часы пути Алина почти не замолкала.

Она спрашивала о столице.

О короле.

О магии.

О чудовищах.

О том, почему местные говорят о катастрофах так же спокойно, как о перемене погоды.

Каэл терпеливо слушал.

Лишь когда вопросы наконец закончились, он сказал:

— Потому что иногда это одно и то же.

Алина тяжело вздохнула.

— Это совсем не объяснение.

— Зато правда.

Она покачала головой.

— У тебя ужасная привычка отвечать загадками.

— Мне уже говорили.

Теперь в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на лёгкую иронию.

К вечеру второго дня начался дождь.

Не ливень.

Мелкая, холодная морось, которая незаметно пропитывает одежду и забирается под воротник.

Они укрылись в развалинах старой башни.

От неё осталась лишь часть стен, но и этого хватало, чтобы спрятаться от ветра.

Внутри пахло мокрым камнем и золой.

Каэл быстро развёл огонь.

Слишком быстро.

Алина уже перестала удивляться тому, сколько вещей он делал так, будто на них не распространялись обычные человеческие правила.

Они сидели по разные стороны костра.

Пламя дрожало между ними, бросая длинные тени на потрескавшиеся стены.

Некоторое время оба молчали.

Потом Алина спросила:

— Откуда у тебя шрам?

Каэл долго смотрел на огонь, прежде чем тихо ответил:

— Друг.

Она нахмурилась.

— Был другом?

Каэл едва заметно кивнул.

— Был.

И снова наступила тишина.
На этот раз Алина не стала расспрашивать.
Она поняла: за этим коротким словом скрывается слишком многое.
Ночью её разбудило ощущение чужого присутствия.
Не звук.
Не голос.
Скорее едва различимый шёпот, возникающий прямо в голове.
«Она идёт...»
«Кровь вернулась...»
«Врата дрожат...»
Алина резко открыла глаза.
Сердце колотилось так, будто давно знало эти слова.
Она вышла наружу.
И замерла.
В глубине леса пульсировал синий свет.
Он не освещал деревья.
Он будто раздвигал сам воздух.
Посреди ночного леса висела трещина.
Неровная.
Живая.
Будто кто-то разрезал ткань мира и оставил рану открытой.
— Не подходи.
Голос Каэла прозвучал совсем рядом.
Он уже стоял возле неё.
Меч был обнажён.
Весь его вид говорил о том, что сейчас не время задавать вопросы.
— Что это? — едва слышно спросила Алина.
Каэл не сводил взгляда с синего света и после короткой паузы ответил:
— Разлом.
Одного слова оказалось достаточно.
Именно в этот момент из синего сияния появилась фигура.
Высокая.
Неправильно тонкая.
Слишком длинные руки почти касались земли, суставы изгибались под невозможными углами, а пустые глаза смотрели так, будто никогда не видели живого мира.
Существо двигалось медленно.
Словно вспоминало, как вообще ходят.
Оно остановилось.
Посмотрело прямо на Алину.
И мир на миг дрогнул.
— Наследница.
Голос звучал так, будто сразу несколько существ пытались говорить через одно горло.
— Ты откроешь Врата.
Каэл сорвался с места.
Меч вспыхнул рунами.
Удар оказался стремительным и точным.
Но существо почти не отреагировало.
Оно лишь подняло руку.
Каэла отбросило так, словно его ударила сама невидимая волна.

Он тяжело рухнул на землю.
Впервые Алина увидела его не спокойным и непобедимым.
А уязвимым.
Что-то внутри неё оборвалось.
Она подняла руки.
— Нет.
Слово прозвучало тихо.
Но мир услышал.
Из её ладоней вырвался серебряный свет.
Чистый.
Ослепительный.
Он ударил прямо в разлом.
Белая вспышка поглотила всё вокруг.
Белый свет исчез так же внезапно, как появился.
Несколько мгновений Алина не понимала, где находится.
Мир вокруг плыл. Дождь стучал по лицу, но она почти не чувствовала холода. В ушах всё ещё звучало одно слово.

Наследница.

Оно не исчезло вместе с существом. Оно будто осталось внутри неё.
Она медленно подняла ладони.
Они выглядели как прежде.
Никакого серебряного света.
Никакой магии.
Но память о том ощущении никуда не делась.
Словно под кожей продолжало течь что-то чужое.
Алина резко сжала пальцы.
— Нет...
Она сама не знала, кому это сказала.
Себе.
Или той силе, что откликнулась на её голос.
Рядом сидел Каэл.
Одной рукой он упирался в землю, другой прижимал бок. Между пальцами медленно проступала кровь.
Алина сразу оказалась рядом.
— Ты ранен.
Каэл перевёл на неё взгляд и с привычным спокойствием ответил:
— Уже заметил.
— Сейчас не время шутить.
— Я и не шучу.
Она осторожно отвела его руку.
Ткань на боку промокла насквозь.
Рана оказалась глубокой, но чистой.
Алина достала из сумки полоску ткани и принялась перевязывать его.
Пальцы дрожали.
То ли от пережитого, то ли от мысли, что ещё несколько минут назад она могла его потерять.
Каэл молча наблюдал за ней.
Не пытался остановить.
Не говорил, что справится сам.

Просто позволил ей закончить.
И это удивило её сильнее самой раны.
Закончив перевязку, Алина подняла глаза. Каэл несколько секунд молчал, а затем негромко сказал:
— Спасибо.
Одно слово.
Без привычной сдержанной отстранённости.
Алина подняла глаза.
— В следующий раз постарайся не бросаться первым на неизвестных чудовищ.
В уголке его губ мелькнула тень улыбки.
— Постараюсь.
Она усмехнулась.
— Вот теперь это звучит неправильно.
После той ночи между ними исчезла прежняя настороженность.
Они по-прежнему говорили немного.
Но молчание больше не казалось неловким.
Оно стало привычным.
Иногда Алина ловила себя на том, что садится рядом с ним у костра, не задумываясь.
Каэл больше не отходил в сторону.
Они просто делили тепло огня и долгую дорогу.
На третий день пути они остановились на привал.
Каэл сидел на поваленном стволе и точил меч.
Движения были размеренными, почти медитативными.
Алина наблюдала за ним несколько секунд.
— Ты спасла мне жизнь, — сказал Каэл, не сразу нарушив тишину.
Алина улыбнулась.
— Мы квиты.
Каэл остановил точильный камень, немного помолчал и спокойно произнёс:
— Нет. Теперь я у тебя в долгу.
Алина попыталась перевести разговор в шутку.
— Надеюсь, не собираешься расплачиваться всю жизнь?
Он посмотрел на неё спокойно.
— Если понадобится.
Она не нашла, что ответить.
Каэл отвернулся к клинку.
Будто не сказал ничего необычного.
На пятый день они поднялись на высокий холм.
И Алина остановилась.
Перед ней раскинулся Эларион.
Алина невольно замерла.
Несколько секунд она просто смотрела вниз, забыв сделать вдох.
Город не был похож ни на одну столицу, которую она видела в фильмах или на фотографиях.
Он будто не строился людьми.
Он вырос из самой горы.
Белые стены поднимались уступами, переходя одна в другую. Над ними тянулись десятки башен, тонких, почти невесомых. Между ними перекидывались мосты, настолько высоко, что казались нитями света.

Ветер доносил глухой гул большого города: звон колоколов, далёкие голоса, скрип ворот, перекличку стражников.

После нескольких дней лесной тишины этот шум показался почти живым.
На солнце вспыхивали золотые шпили дворца, венчавшего вершину скалы.

Всё вокруг казалось невозможным.

— Невероятно... — едва слышно выдохнула Алина.

Каэл смотрел вперёд без удивления.

Для него этот город давно перестал быть чудом.

— Красивый, — сказал он. — Но не позволяй этому себя обмануть.

— Почему?

— Самые опасные места редко выглядят опасными.

Она ещё раз посмотрела на сияющие стены.

Теперь они казались совсем другими.

У ворот уже ждали.

Не обычная стража.

Двенадцать всадников в чёрных плащах стояли неподвижно, словно были частью городских ворот.

Их лошади не переступали с ноги на ногу.

Не били копытами.

Даже ветер будто обходил строй стороной.

Каэл остановился.

Совсем незаметно.

Но Алина почувствовала, как он изменился.

Плечи напряглись.

Взгляд стал холоднее.

— Кто это? — тихо спросила она.

Каэл несколько мгновений смотрел на всадников, прежде чем ответил:

— Моё прошлое.

Из строя выехал один всадник.

Он медленно подъехал к ним и снял шлем.

Молодое лицо.

Безупречно правильные черты.

Светлые волосы.

И глаза, холодные настолько, что в них не отражалось даже солнце.

Он улыбнулся.

Вежливо.

Почти дружелюбно.

— Каэл.

Тот не ответил.

Всадник продолжал смотреть на него так, словно они расстались всего вчера.

— Ты всё-таки привёл её.

— Рейнар.

Имя прозвучало сухо.

Без приветствия.

Без тепла.

Лёгкая улыбка Рейнара стала шире.

— Всё ещё ненавидишь меня?

Каэл выдержал его взгляд.

— Недостаточно.

На мгновение наступила тишина.

Затем Рейнар перевёл взгляд на Алину.

Изучающе.

Спокойно.

Будто видел перед собой не человека, а давно ожидаемую находку.

Рейнар чуть склонил голову и, выдержав короткую паузу, произнёс:

— Значит... Наследница.

По спине Алины пробежал холод.

Он произнёс это слово так, словно оно принадлежало ей раньше, чем она сама.

Рейнар поднял руку.

Даже не взглянув на своих людей.

— Убить их.

Утро отъезда выдалось серым и тяжёлым.

Небо над Дубовой Лощиной нависло так низко, что казалось — ещё немного, и оно придавит деревню к земле, не давая ей ни вдохнуть, ни сделать шаг вперёд.

Сырой воздух лип к одежде, волосам, коже, напоминая: всё происходящее — настоящее. Обратной дороги уже нет.

Алина почти не спала.

Она лежала, глядя на тёмные балки потолка, и слушала, как в очаге медленно угасает огонь. Угли потрескивали редко, с длинными паузами, словно сами не спешили расставаться с теплом.

Мысли не отпускали.

Город, оставшийся где-то **там**.

И этот мир, ставший её **здесь**.

С каждым днём воспоминания о прежней жизни теряли чёткость. Будто кто-то осторожно стирал их, оставляя лишь размытые очертания.

И Каэл.

Его спокойный, внимательный взгляд.

Будто он с самого начала знал, что она согласится отправиться с ним. Просто ждал, когда она сама это поймёт.

Когда Алина вышла во двор, деревня уже проснулась.

Из труб поднимался густой дым с запахом сырых дров и свежего хлеба. У колодца кто-то спорил, не повышая голоса. Дети носились между домами, поднимая грязь и смех. Собаки лениво облаивали прохожих, а куры деловито сновали по дворам, словно каждая знала своё дело.

Обычное деревенское утро.

И именно поэтому оно вдруг кольнуло сердце.

Так выглядят места, которые не отпускают легко.

Тиха подошла почти бесшумно.

В руках у неё был тяжёлый дорожный мешок.

Алина перехватила ремень и едва удержала его.

— Ты словно собираешь меня в поход на год.

— Потому что ты идёшь туда, где год — не такой уж большой срок.

Она говорила спокойно, без улыбки.

Но заботы в её голосе было больше, чем в любых утешениях.

— Здесь хлеб, сыр, вяленое мясо. И травы.

— Травы?

— От всего, что ты ещё не успела подхватить по дороге.

Алина невольно усмехнулась.

— Очень обнадеживает.
— Зато честно.
Разговор закончился сам собой.
Тиха всегда предпочитала дело словам.
Лада появилась неожиданно.
Подбежала к Алине и крепко обняла её, так резко, что та едва удержалась на ногах.
— Ты вернёшься.
Не вопрос.
Не просьба.
Уверенность.
— Постараюсь.
Лада сразу отстранилась.
— Нет.
Она смотрела прямо в глаза.
— Не «постараюсь», — Лада ненадолго замолчала, словно давая этим словам осесть, и тихо произнесла: — Просто вернись.
У Алины не нашлось ответа.
Староста Радомир подошёл последним.
Он остановился напротив неё, несколько секунд молча изучал её лицо, затем положил тяжёлую ладонь ей на плечо.
— Запомни, — произнёс он. — Ты уходишь не одна.
Алина вопросительно посмотрела на него.
— С тобой теперь лес. Деревня. И то, что выше нас всех.
Он перевёл взгляд туда, где за последними домами начинались деревья.
— Ты стала частью того, что уже нельзя отменить.
Эти слова прозвучали не как благословение.
Скорее как принятие неизбежного.
У дороги ждал Каэл.
Он стоял рядом с вороной лошадью неподвижно, словно давно превратился в часть утреннего тумана.
Доспех сидел на нём так естественно, будто был второй кожей. Меч спокойно висел у бедра, не выставленный напоказ.
Но Алина уже знала: здесь спокойствие ничего не говорит о безопасности.
— Ты долго.
— Я прощалась.
Каэл коротко кивнул, будто принимая этот ответ, и после недолгого молчания сказал:
— Люди придают прощаниям слишком большое значение.
Алина подняла бровь.
— А ты никогда не прощаешься?
Каэл ненадолго отвёл взгляд, словно перебирая в памяти что-то давно забытое, и только потом ответил:
— Солдаты не умеют.
В этих словах не было ни сожаления, ни гордости.
Только факт.
И почему-то именно он прозвучал тяжелее любых признаний.
Мирель, устроившаяся на плече Алины, тихо фыркнула.
— Всё равно он мне не нравится.
— Ты говорила это вчера.
— Моё мнение развивается.

— Слишком быстро.

Каэл перевёл взгляд на ласку.

— У тебя странные разговоры с животным.

— Ты ещё не слышал лучшие.

На его лице мелькнула почти незаметная улыбка.

Она исчезла так быстро, что Алина не была уверена, действительно ли её увидела.

Старая королевская дорога уходила на север.

Когда-то по ней шли армии, торговые караваны и посольства. Каждый камень, казалось, помнил тысячи шагов.

Теперь дорога медленно исчезала.

Не разрушалась — забывалась.

Асфальта здесь никогда не было. Только широкие каменные плиты, растрескавшиеся от времени и заросшие мхом. Местами их разрывали толстые корни деревьев, будто сама земля решила вернуть себе то, что когда-то уступила людям.

По обочинам темнели руины сторожевых башен. Камень давно утонул в плюще, а на редких обелисках ещё угадывались почти стёртые руны — остатки языка, которого уже никто не понимал.

Этот мир не казался молодым.

Он выглядел так, словно пережил слишком многое и больше не видел смысла рассказывать об этом.

Первые часы пути Алина почти не замолкала.

Она спрашивала о столице.

О короле.

О магии.

О чудовищах.

О том, почему местные говорят о катастрофах так же спокойно, как о перемене погоды.

Каэл терпеливо слушал.

Лишь когда вопросы наконец закончились, он сказал:

— Потому что иногда это одно и то же.

Алина тяжело вздохнула.

— Это совсем не объяснение.

— Зато правда.

Она покачала головой.

— У тебя ужасная привычка отвечать загадками.

— Мне уже говорили.

Теперь в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на лёгкую иронию.

К вечеру второго дня начался дождь.

Не ливень.

Мелкая, холодная морось, которая незаметно пропитывает одежду и забирается под воротник.

Они укрылись в развалинах старой башни.

От неё осталась лишь часть стен, но и этого хватало, чтобы спрятаться от ветра.

Внутри пахло мокрым камнем и золой.

Каэл быстро развёл огонь.

Слишком быстро.

Алина уже перестала удивляться тому, сколько вещей он делал так, будто на них не распространялись обычные человеческие правила.

Они сидели по разные стороны костра.

Пламя дрожало между ними, бросая длинные тени на потрескавшиеся стены.

Некоторое время оба молчали.
Потом Алина спросила:
— Откуда у тебя шрам?
Каэл долго смотрел на огонь, прежде чем тихо ответил:
— Друг.
Она нахмурилась.
— Был другом?
Каэл едва заметно кивнул.
— Был.
И снова наступила тишина.
На этот раз Алина не стала расспрашивать.
Она поняла: за этим коротким словом скрывается слишком многое.
Ночью её разбудило ощущение чужого присутствия.
Не звук.
Не голос.
Скорее едва различимый шёпот, возникающий прямо в голове.
«Она идёт...»
«Кровь вернулась...»
«Врата дрожат...»
Алина резко открыла глаза.
Сердце колотилось так, будто давно знало эти слова.
Она вышла наружу.
И замерла.
В глубине леса пульсировал синий свет.
Он не освещал деревья.
Он будто раздвигал сам воздух.
Посреди ночного леса висела трещина.
Неровная.
Живая.
Будто кто-то разрезал ткань мира и оставил рану открытой.
— Не подходи.
Голос Каэла прозвучал совсем рядом.
Он уже стоял возле неё.
Меч был обнажён.
Весь его вид говорил о том, что сейчас не время задавать вопросы.
— Что это? — едва слышно спросила Алина.
Каэл не сводил взгляда с синего света и после короткой паузы ответил:
— Разлом.
Одного слова оказалось достаточно.
Именно в этот момент из синего сияния появилась фигура.
Высокая.
Неправильно тонкая.
Слишком длинные руки почти касались земли, суставы изгибались под невозможными углами, а пустые глаза смотрели так, будто никогда не видели живого мира.
Существо двигалось медленно.
Словно вспоминало, как вообще ходят.
Оно остановилось.
Посмотрело прямо на Алину.
И мир на миг дрогнул.

— Наследница.

Голос звучал так, будто сразу несколько существ пытались говорить через одно горло.

— Ты откроешь Врата.

Каэл сорвался с места.

Меч вспыхнул рунами.

Удар оказался стремительным и точным.

Но существо почти не отреагировало.

Оно лишь подняло руку.

Каэла отбросило так, словно его ударила сама невидимая волна.

Он тяжело рухнул на землю.

Впервые Алина увидела его не спокойным и непобедимым.

А уязвимым.

Что-то внутри неё оборвалось.

Она подняла руки.

— Нет.

Слово прозвучало тихо.

Но мир услышал.

Из её ладоней вырвался серебряный свет.

Чистый.

Ослепительный.

Он ударил прямо в разлом.

Белая вспышка поглотила всё вокруг.

Белый свет исчез так же внезапно, как появился.

Несколько мгновений Алина не понимала, где находится.

Мир вокруг плыл. Дождь стучал по лицу, но она почти не чувствовала холода. В ушах всё ещё звучало одно слово.

Наследница.

Оно не исчезло вместе с существом. Оно будто осталось внутри неё.

Она медленно подняла ладони.

Они выглядели как прежде.

Никакого серебряного света.

Никакой магии.

Но память о том ощущении никуда не делась.

Словно под кожей продолжало течь что-то чужое.

Алина резко сжала пальцы.

— Нет...

Она сама не знала, кому это сказала.

Себе.

Или той силе, что откликнулась на её голос.

Рядом сидел Каэл.

Одной рукой он упирался в землю, другой прижимал бок. Между пальцами медленно проступала кровь.

Алина сразу оказалась рядом.

— Ты ранен.

Каэл перевёл на неё взгляд и с привычным спокойствием ответил:

— Уже заметил.

— Сейчас не время шутить.

— Я и не шучу.

Она осторожно отвела его руку.

Ткань на боку промокла насквозь.
Рана оказалась глубокой, но чистой.
Алина достала из сумки полоску ткани и принялась перевязывать его.
Пальцы дрожали.
То ли от пережитого, то ли от мысли, что ещё несколько минут назад она могла его потерять.
Каэл молча наблюдал за ней.
Не пытался остановить.
Не говорил, что справится сам.
Просто позволил ей закончить.
И это удивило её сильнее самой раны.
Закончив перевязку, Алина подняла глаза. Каэл несколько секунд молчал, а затем негромко сказал:
— Спасибо.
Одно слово.
Без привычной сдержанной отстранённости.
Алина подняла глаза.
— В следующий раз постарайся не бросаться первым на неизвестных чудовищ.
В уголке его губ мелькнула тень улыбки.
— Постараюсь.
Она усмехнулась.
— Вот теперь это звучит неправильно.
После той ночи между ними исчезла прежняя настороженность.
Они по-прежнему говорили немного.
Но молчание больше не казалось неловким.
Оно стало привычным.
Иногда Алина ловила себя на том, что садится рядом с ним у костра, не задумываясь.
Каэл больше не отходил в сторону.
Они просто делили тепло огня и долгу дорогу.
На третий день пути они остановились на привал.
Каэл сидел на поваленном стволе и точил меч.
Движения были размеренными, почти медитативными.
Алина наблюдала за ним несколько секунд.
— Ты спасла мне жизнь, — сказал Каэл, не сразу нарушив тишину.
Алина улыбнулась.
— Мы квиты.
Каэл остановил точильный камень, немного помолчал и спокойно произнёс:
— Нет. Теперь я у тебя в долгу.
Алина попыталась перевести разговор в шутку.
— Надеюсь, не собираешься расплачиваться всю жизнь?
Он посмотрел на неё спокойно.
— Если понадобится.
Она не нашла, что ответить.
Каэл отвернулся к клинку.
Будто не сказал ничего необычного.
На пятый день они поднялись на высокий холм.
И Алина остановилась.
Перед ней раскинулся Эларион.
Алина невольно замерла.

Несколько секунд она просто смотрела вниз, забыв сделать вдох.

Город не был похож ни на одну столицу, которую она видела в фильмах или на фотографиях.

Он будто не строился людьми.

Он вырос из самой горы.

Белые стены поднимались уступами, переходя одна в другую. Над ними тянулись десятки башен, тонких, почти невесомых. Между ними перекидывались мосты, настолько высоко, что казались нитями света.

Ветер доносил глухой гул большого города: звон колоколов, далёкие голоса, скрип ворот, перекличку стражников.

После нескольких дней лесной тишины этот шум показался почти живым.

На солнце вспыхивали золотые шпили дворца, венчавшего вершину скалы.

Всё вокруг казалось невозможным.

— Невероятно... — едва слышно выдохнула Алина.

Каэл смотрел вперёд без удивления.

Для него этот город давно перестал быть чудом.

— Красивый, — сказал он. — Но не позволяй этому себя обмануть.

— Почему?

— Самые опасные места редко выглядят опасными.

Она ещё раз посмотрела на сияющие стены.

Теперь они казались совсем другими.

У ворот уже ждали.

Не обычная стража.

Двенадцать всадников в чёрных плащах стояли неподвижно, словно были частью городских ворот.

Их лошади не переступали с ноги на ногу.

Не били копытами.

Даже ветер будто обходил строй стороной.

Каэл остановился.

Совсем незаметно.

Но Алина почувствовала, как он изменился.

Плечи напряглись.

Взгляд стал холоднее.

— Кто это? — тихо спросила она.

Каэл несколько мгновений смотрел на всадников, прежде чем ответил:

— Моё прошлое.

Из строя выехал один всадник.

Он медленно подъехал к ним и снял шлем.

Молодое лицо.

Безупречно правильные черты.

Светлые волосы.

И глаза, холодные настолько, что в них не отражалось даже солнце.

Он улыбнулся.

Вежливо.

Почти дружелюбно.

— Каэл.

Тот не ответил.

Всадник продолжал смотреть на него так, словно они расстались всего вчера.

— Ты всё-таки привёл её.

— Рейнар.
Имя прозвучало сухо.
Без приветствия.
Без тепла.
Лёгкая улыбка Рейнара стала шире.
— Всё ещё ненавидишь меня?
Каэл выдержал его взгляд.
— Недостаточно.
На мгновение наступила тишина.
Затем Рейнар перевёл взгляд на Алину.
Изучающе.
Спокойно.
Будто видел перед собой не человека, а давно ожидаемую находку.
Рейнар чуть склонил голову и, выдержав короткую паузу, произнёс:
— Значит... Наследница.
По спине Алины пробежал холод.
Он произнёс это слово так, словно оно принадлежало ей раньше, чем она сама.
Рейнар поднял руку.
Даже не взглянув на своих людей.
— Убить их.

Глава 5

Алина заметила: он даже не смотрел на людей перед собой.

Он смотрел куда-то дальше — будто уже видел последствия и просто называл следующий шаг.

— Убить их.

Приказ прозвучал настолько спокойно, что Алина сначала решила: она неправильно поняла слова. Не потому, что ожидала крика, а потому, что такие вещи должны звучать иначе — с яростью, ненавистью, хоть с чем-то человеческим. Но голос Рейнара был пустым.

Как будто он приказал закрыть дверь.

Никто не закричал.

Не выхватил меч.

Не бросился вперёд.

Казалось, даже ветер замер.

А потом двенадцать всадников одновременно опустили руки на рукояти мечей.

Металл зазвенел почти в унисон.

Каэл шагнул вперёд, заслоняя Алину.

— Не отходи от меня, — Он сказал это привычно.

Так, как говорил сотни раз тем, кого должен был сохранить.

И Каэл вдруг понял, что эти слова могут оказаться ложью — потому что он больше не знал, от чего именно её защищает: от мечей, врагов или того, что уже проснулось внутри неё.

Она едва успела кивнуть.

Первый удар последовал без предупреждения.

Один из всадников сорвался с места так стремительно, что Алина заметила лишь размытую тень.

Сталь встретила сталью.

Звон разлетелся по площади.

Каэл принял удар и сразу ответил своим.

Его клинок вспыхнул серебристыми рунами.

Всадник отступил.

Всего на шаг.

И этого оказалось достаточно, чтобы остальные сомкнули кольцо.

— Это безумие! — выдохнула Алина.

— Нет, — коротко ответил Каэл. — Это проверка.

Он произнёс это слишком быстро.

И сам заметил.

«Проверка». Удобное слово, которым обычно называют то, чему не хотят давать настоящее имя.

Каэл не знал, что именно они проверяют.

И хуже всего было то, что он подозревал: они тоже не знают.

Он отбил ещё один удар.

Затем ещё один.

Он не пытался победить.

Он выигрывал время.

Рейнар наблюдал со стороны.

Руки сложены за спиной.

Лицо оставалось совершенно спокойным.

Словно происходящее интересовало его не больше обычного разговора.

— Слишком осторожно, — негромко произнёс он.

Всадники одновременно ускорились.

Теперь Алина уже не различала отдельных движений — только вспышки стали, глухие удары и Каэла, который будто одновременно находился в нескольких местах. Один из клинков всё же прорвался.

Алина увидела его слишком поздно.

Лезвие летело прямо к ней.

Она даже не успела вскрикнуть.

Каэл резко развернулся.

Меч перехватил удар.

Но второй клинок уже рассёк ему плечо.

Кровь брызнула на белый камень.

— Каэл!

Он не посмотрел на рану.

Только пальцы на рукояти меча дрогнули на мгновение — единственный признак того, что боль всё-таки достигла его.

— Назад!

Алина сделала шаг.

И почувствовала знакомое тепло в груди.

Но на этот раз оно было другим.

Не как раньше — не случайная вспышка страха или защиты.

Оно словно ждало разрешения.

Нет...

Только не сейчас.

Свет.

Снова.

Он рождался внутри неё быстрее, чем страх.

— Не смей... — прошептал Каэл.

Но было поздно.

Серебристое сияние вырвалось наружу.

Оно не ударило.

Не взорвалось.

Оно просто прошло через площадь.

Тихо.

Почти мягко.

И все мечи остановились.

Даже воздух будто перестал двигаться.

Всадники замерли.

Рейнар впервые изменился в лице.

Совсем немного.

Удивление исчезло так же быстро, как появилось.

Он внимательно посмотрел на Алину.

— Значит...

Он медленно улыбнулся.

— Они не ошиблись.

Тишину нарушил новый голос.

— Достаточно.

Он прозвучал негромко.

Но его услышали все.

С верхней лестницы дворца спускался пожилой мужчина в длинной белой мантии.

Никто не двигался.

Даже Рейнар.

Он первым склонил голову.

— Ваше Величество.

Алина перевела взгляд на незнакомца.

Он не выглядел величественным или грозным правителем — скорее человеком, который слишком многое видел и слишком многое потерял. Но стоило ему появиться — и площадь изменилась.

Даже всадники опустили оружие.

Король медленно подошёл ближе.

Его взгляд остановился на Алине.

Не на сиянии.

Не на крови.

Именно на ней.

Долго.

Очень долго.

Потом он тихо сказал:

— Значит... — Его голос прозвучал почти устало. — Мы всё-таки нашли тебя.

— Почему «нашли»? — спросила Алина. — Я что, пропадала?

На лице Рейнара ничего не изменилось.

Только пальцы медленно сжались.

Впервые Алина заметила: спокойствие на его лице было не равнодушием.

Это была выдержка человека, который слишком хорошо знал, что сейчас начнётся. Как будто он слышал не приказ, а приговор.

Первый крик прозвучал где-то позади.

Короткий.

Почти сразу оборвавшийся.

Потом ещё один.

И снова — тишина.

Алина не обернулась.

Не потому, что не хотела.

Потому что уже понимала: ничего не изменит то, что она увидит.

Люди Рейнара двигались быстро.

Без ярости.

Без удовольствия.

Как люди, которые выполняют работу, давно переставшую требовать эмоций.

Через несколько мгновений всё закончилось.

Двор снова стал тихим.

Будто кровь никогда не нарушала его покоя.

Рейнар медленно повернулся к Алине.

Она машинально сделала шаг назад.

Он не попытался приблизиться.
Лишь посмотрел на неё долгим спокойным взглядом.
— Идём.
— Куда?
— Домой.
Она нервно усмехнулась.
— Если это шутка, то...
— Не домой, который ты помнишь.
Он сделал короткую паузу.
— Домой, который помнит тебя.
От этих слов стало холоднее.
Дорога заняла несколько часов.
Или несколько минут.
Алина потом не смогла бы сказать.
Лес менялся незаметно.
Сначала исчезли знакомые деревья.
Потом птицы.
Потом ветер.
Будто мир постепенно снимал одну маску за другой.
Когда впереди появились стены столицы, она невольно остановилась.
Это был не город.
Это было доказательство того, что её представления о возможном давно устарели.
Башни поднимались выше облаков.
Камень казался живым.
По стенам медленно текли серебристые руны, словно само здание дышало.
У ворот никто не остановил Рейнара.
Стражники лишь склонили головы.
Не перед ним.
Перед ней.
Это произошло одновременно.
Словно никто заранее не отдавал приказ.
Но каждый уже знал, что делать.
Алина почувствовала неприятное давление в груди.
— Почему они...
— Потому что видят.
— Что?
Рейнар посмотрел вперёд.
— Не спрашивай меня.
Они шли через дворец.
Коридоры казались бесконечными.
Высокие окна пропускали серый дневной свет.
Мраморный пол отражал шаги так чётко, словно дворец не забывал ни одного звука.
По пути им встречались люди.
Министры.
Стража.
Слуги.
Все замолкали.
Некоторые смотрели с удивлением.
Некоторые — со страхом.

Несколько человек тут же опускали взгляд.
И никто не задавал вопросов.
Будто сам её проход уже был ответом.

Наконец перед ними выросли огромные двери.
Высокие.

Тёмные.

На них были вырезаны деревья, охваченные серебристым пламенем.

Рейнар остановился.

Впервые за всё время.

Он посмотрел на неё.

— Сейчас ты услышишь вещи, которые тебе не понравятся.

— Тогда можно я не пойду?

На мгновение ей показалось, что уголок его губ едва заметно дрогнул.

Почти улыбка.

Почти.

— Уже нельзя.

Он положил ладонь на дверь.

Тяжёлые створки начали открываться сами.

Медленно.

Без единого звука.

За ними оказался тронный зал.

Настолько огромный, что дальние колонны терялись в полумраке.

Свет падал сверху широкими полосами, словно само небо решило стать частью этого помещения.

В самом конце возвышался трон.

На нём сидел мужчина с серебристыми волосами.

Не молодой.

Но и не старый.

Так выглядят люди, чей возраст давно перестал измеряться годами.

Справа от трона стояла женщина в белом одеянии.

Её лицо было совершенно спокойным.

Сапфир на лбу едва заметно светился.

Слева, немного в стороне, неподвижно замер мужчина в тёмной форме Стражей.

Он был моложе остальных.

И единственный не отвёл взгляд, когда Алина вошла.

Рейнар опустился на одно колено.

— Ваше Величество.

Я выполнил приказ.

Нашёл её.

Рейнар остался у дверей.

В его взгляде больше не было спокойствия.

Король медленно поднялся.

В тронном зале стало так тихо, словно даже воздух перестал двигаться.

А потом он произнёс:

— Значит...

— Значит, кровь действительно сохранилась.

— Простите, — сказала Алина. — Вы сейчас обсуждаете мою кровь так, будто я не стою перед вами.

Советники молчали.

— Может, кто-нибудь наконец объяснит, что вообще происходит?

Но их лица сказали больше, чем любые слова.

«Наследница Пепельного трона».

Эти слова не просто звучали

Она вспомнила запах дыма.

Женский голос.

Руку, сжимающую её ладонь.

И поняла: это не воспоминание пришло к ней. Это она вернулась к нему.

Первое утро в этом мире.

Лес.

Белая ласка.

Голос ветра в листве, который тогда казался случайностью, а теперь — почти слишком точным совпадением.

Король медленно опустился обратно на трон.

Жест был усталым, но не слабым — скорее, как у человека, который уже слишком давно несёт груз, и теперь просто добавил к нему ещё один камень.

Леди Серайс не двигалась.

Её лицо оставалось безупречно спокойным, но сапфир на лбу едва заметно светился, будто реагируя на скрытые колебания магии в зале.

По периметру тронного пространства стояли советники.

Один из них слишком долго смотрел на Алину.

Не с любопытством.

С тем выражением, с каким смотрят на огонь рядом с домом.

Не потому, что хотят увидеть пламя.

А потому, что пытаются понять — сколько времени осталось до того момента, когда станет поздно.

Другой советник держал руки за спиной так крепко, что побелели пальцы.

Он заметил это и тут же спрятал жест.

Но было уже поздно.

Они больше не переговаривались.

Даже шёпот исчез — как будто сам воздух внутри зала понял, что любые лишние звуки сейчас опасны.

Потому что некоторые слова делают тишину не пустой, а напряжённой.

Алина сделала вдох.

Ей вдруг стало трудно дышать, будто сам дворец требовал от неё ответа.

— Я... — начала она.

И остановилась.

И самое страшное было не то, что ей сказали.

А то, что часть её — тихая, глубинная, почти не принадлежащая сознанию — уже перестала спорить.

Соппротивление не исчезло.

Оно лишь ослабло.

Где-то внутри появилось странное ощущение узнавания — будто она вспомнила то, чего никогда не знала.

Каэл стоял у стены зала.

Он не двигался.

Но в нём что-то изменилось — не резко, не заметно для случайного взгляда, а так, как меняется напряжение в натянутой до предела струне перед тем, как она либо выдержит, либо сорвётся.

Раньше он выглядел как человек, который контролирует происходящее.

Теперь — как человек, который внезапно понял, что контроль никогда не принадлежал ему полностью.

Его взгляд был направлен только на Алину.

Осталась только собранность — острая, почти болезненная, как у того, кто пытается удержать в поле зрения не противника, а нечто, что нельзя потерять.

Как будто он смотрел не на решение задачи, а на её цену.

И эта цена уже начала считаться.

Леди Серайс сделала шаг вперёд.

Её движение было настолько плавным, что казалось не жестом, а продолжением света в зале — заранее предусмотренным, почти неизбежным.

— Академия, — произнесла она, — не обсуждается.

Не приказ.

Констатация.

Как закон природы, который не спорит с тем, кто его слышит.

Алина медленно повернула голову.

— И что там? — спросила она.

Голос прозвучал тише, чем она ожидала.

Но ровнее, чем чувствовала себя внутри.

Серайс посмотрела прямо на неё.

Долго.

Слишком внимательно для человека — так смотрят не на личность, а на явление, у которого ещё нет окончательной формы.

— Там учатся те, кто пережил пробуждение крови, — сказала Серайс.

— Пережил? — Алина нахмурилась. — Тогда почему никто меня не предупредил?

Серайс посмотрела на неё спокойно.

— Пробуждение — это не получение силы.

— Это момент, когда сила впервые понимает, что ты существуешь.

В комнате изменилось само ощущение пространства.

— И после этого человек уже не может вернуться прежним.

Алина почувствовала холод.

— Что происходит с теми, кто не выдерживает?

Серайс не отвела взгляда.

— Не все переживают пробуждение.

— Что происходит с остальными?

— Некоторые теряют себя. Некоторые остаются жить, но уже не людьми.

Король заговорил снова — не повышая голоса, но так, что его всё равно невозможно было не услышать:

— В Академии ты поймёшь, что такое Пепельный трон.

Он сделал короткую паузу, будто давая словам осесть.

— И что он сделал с миром.

— Последний человек, который сел на Пепельный трон, расколол мир на две эпохи.

После этого магия перестала подчиняться людям.

Алина почувствовала, как внутри поднимается сопротивление.

Но оно было уже не чистым.

В нём примешивалось что-то другое — осторожность.

Сомнение.

И тень страха, который не просит разрешения.

— Почему я? — вырвалось у неё. — Почему вообще я?

Алина сама не заметила, как сделала шаг вперёд.

Не к трону.

Не к королю.

Просто вперёд — будто расстояние между ними могло сделать ответ менее болезненным.

Её пальцы сжались, спрятав дрожь в ладонях.

— Почему я? — повторила она уже тише.

В зале никто не ответил.

Король не отвёл взгляда, но его рука медленно сжалась на подлокотнике трона.

Совсем немного.

Настолько, что заметить это мог только тот, кто внимательно смотрел.

Каэл заметил.

И именно поэтому его лицо стало ещё напряжённее.

Наконец король выдохнул и поднялся.

— Хотел бы я сказать, что понимаю почему.

Но трон никогда не ошибался.

Алина горько усмехнулась.

— А если я не способна?

Король остановился у ступеней трона.

Алина чуть сжала пальцы, словно пытаясь удержаться за самую формулировку.

Король посмотрел на неё ровно, без давления, без эмоций.

— Тогда ты уже была бы мертва.

Алина несколько секунд молчала.

Потом подняла взгляд.

— То есть выбора у меня никогда не было? Хорошо.

Несколько советников удивлённо посмотрели на неё.

— Что «хорошо»? — спросил король.

— Я пойду в Академию.

Она сделала паузу.

— Но не потому, что вы приказали.

В её голосе впервые появилась твёрдость.

— Я хочу знать, почему весь этот мир решил, что имеет право распоряжаться моей жизнью.

Рейнар едва заметно изменил положение тела — настолько мало, что другой человек мог бы не заметить.

Но Алина заметила.

И это осознание пришло к ней с холодной ясностью: она начинает видеть такие вещи слишком быстро — будто мир вокруг неё теряет привычную плотность, становясь прозрачнее, опаснее и честнее одновременно.

Каэл сделал шаг вперёд.

Наконец.

Не резко и не вызывающе — скорее так, как делают шаг те, кто уже давно принял решение, но до этого момента считал правильным молчать.

И всё же зал это заметил.

Как замечают движение клинка ещё до удара.

Каэл долго молчал.

Слишком долго для человека, который привык говорить только тогда, когда уже принял решение.

Его взгляд скользнул по королю, затем по Серайс, остановился на Алине.

И в этот момент он понял, что если промолчит — он снова станет просто Стражем.

А он больше не был уверен, что хочет им оставаться.

Она не должна идти одна.

Собственный голос прозвучал для него непривычно.

Не как приказ.

Не как доклад.

Как просьба, которую он никогда бы себе не позволил.

Он не имел права.

Он знал правила.

Знал границы.

Знал цену неповиновения.

Но впервые за много лет его пугала не возможная расплата.

Его пугало, что Совет может быть прав.

В зале впервые изменилось лицо Каэла.

Это был не страх. Хуже — ощущение, будто он уже видел это раньше.

И никто не решился нарушить этот момент.

Теперь каждый в зале понимал: следующее слово изменит всё.

Серайс слегка повернула голову.

— Ты не имеешь полномочий обсуждать решение Совета.

— Я не обсуждаю, — ответил он ровно. — Я предупреждаю.

И в этих словах впервые проступило не просто несогласие.

А линия разлома.

Не внешнего — внутреннего.

Старого.

Слишком хорошо знакомого тем, кто умеет распознавать такие вещи.

Алина посмотрела на Каэла.

И впервые ей захотелось остановить его.

Не потому, что он был неправ.

А потому, что ей надоело, что все вокруг говорят о ней так, будто её рядом нет.

— Каэл.

Он замолчал.

— Я слышу вас обоих.

Она посмотрела сначала на него, потом на короля.

— Но я всё ещё здесь.

Король медленно поднял руку.

Жест был простым, почти ленивым — и именно поэтому абсолютным.

— Достаточно.

Пауза легла окончательно, как печать.

— Отправка в Академию — завтра.

Алина сжала пальцы.

Сильно. До боли. До белых костяшек.

И только в этот момент поняла, что всё время стояла, почти не дыша — как будто тело пыталось не мешать происходящему стать реальностью.

Когда её вывели из зала, коридоры дворца показались длиннее, чем прежде.

Каждый шаг отдавался так, будто дворец считал их.

И это было хуже всего.

Потому что думать она уже не хотела.

Хотела только одного — чтобы всё это хоть на мгновение перестало происходить.

Но мир не останавливался.

Он только набирал скорость, делая вид, что так и было всегда.

Конец главы.

Глава 6.

Позже, когда её оставили одну в покоях, напряжение стало почти ощутимо.

Не спокойной — плотной. Давящей. Такой, в которой даже собственное дыхание звучит как чужое.

Зеркала в комнате казались слишком внимательными. Слишком «присутствующими» для предметов, которые просто отражают.

Алина подошла к одному из них.

И на мгновение замерла.

Отражение двигалось с задержкой.

Небольшой. Почти незаметной.

Но достаточной, чтобы сознание зацепилось за это несоответствие и больше не отпустило.

— Прекрасно, — тихо сказала она себе. — Теперь у меня ещё и дом с опоздавшими отражениями.

Снаружи послышался шум шагов.

Она резко обернулась.

Дверь оставалась закрытой.

И именно это было неправильным.

Потому что шаги не исчезли.

Они просто продолжили звучать — уже внутри комнаты.

Очень лёгкие.

Очень тихие.

Как будто кто-то уже был здесь.

Не вошёл. Не появился. А именно уже находился — как факт, который всё это время просто не был замечен.

Мирель шевельнулась на спинке кресла.

И впервые за долгое время её голос прозвучал без привычной лёгкости и иронии:

— Ты это чувствуешь?

Алина медленно кивнула.

Да.

Чувствовала.

Воздух изменился.

Как перед грозой — но не той, что приходит с неба и ветра.

Другой.

Старой.

Такой, у которой нет начала в природе, потому что она начинается не в небе, а в памяти мира.

И где-то далеко под камнем дворца — в местах, куда не доходили ни свет, ни звук, ни даже обычное представление о пространстве — что-то ответило на её присутствие.

Внутри неё отозвалось что-то чужое и одновременно знакомое.

Будто мир заметил её присутствие.

И пришёл к выводу, который ему не понравился.

Сначала звук не появился.

Пришло давление.

Как будто сам дворец на мгновение перестал быть зданием и стал чем-то живым — огромным, настороженным существом, которое затаило дыхание.

Алина поняла это раньше, чем увидела.

За дверью что-то изменилось. Камень дворца будто перестал быть неподвижным.
Мирель резко подняла голову.

— Они снова здесь, — произнесла она тихо.

И на этот раз в её голосе не осталось ни привычной иронии, ни сомнений.

Самое страшное было не то, что кто-то пытался войти.

Самое страшное — ощущение, что что-то уже давно ждало по ту сторону.

Алина даже не успела спросить «кто».

Потому что дверь дрогнула.

Не от удара.

От давления снаружи — как если бы кто-то не пытался её сломать, а медленно убеждал саму реальность, что эта преграда здесь лишняя.

Казалось, сама комната сопротивлялась тому, что происходило.

По дереву прошла трещина.

Медленно. Почти аккуратно.

Без торопливости — как у процесса, который уже получил разрешение случиться.

И в следующий миг дверь перестала быть ею.

Дверь рассыпалась внутрь комнаты чёрным стеклянным дождём.

Осколки не упали — они словно потеряли вес на полпути, зависли на мгновение в воздухе и только потом осыпались вниз, оставляя за собой ощущение разрыва в самой материи предметов.

И вместе с ними вошло существо.

Не шагнуло.

Не появилось.

Именно вошло — как ошибка, которая слишком долго оставалась теорией и наконец получила право на существование.

Высокое.

Слишком тонкое для человеческой анатомии.

Его тело казалось собранным из несовместимых углов, как если бы кто-то пытался построить форму, не понимая, что у формы вообще есть ограничения.

Лица не было.

Не в привычном смысле отсутствия деталей — а как отсутствие самого понятия «лицо» как чего-то, что должно существовать.

Вместо него — гладкая поверхность, в которой время от времени проступали намёки на черты, но они не задерживались, как будто реальность не могла выбрать окончательную версию.

И только глаза.

Два светящихся провала.

Слишком внимательные.

Слишком живые для того, что не должно было обладать живым взглядом.

Алина отступила на шаг.

Потом ещё один.

И только в этот момент поняла: страх не приходит сразу.

Он всегда приходит с задержкой — сначала тело успевает признать опасность, и только потом сознание соглашается её назвать.

Существо повернулось к ней.

И пространство комнаты будто сжалось, потеряв глубину.

— Носитель, — произнесло оно.

Мирель впервые не спряталась за шуткой.

Потому что это имя знала она.
Голос не звучал в воздухе.
Он возник прямо внутри головы — не как звук, а как мысль, которая никогда не принадлежала тебе, но почему-то уверенно считает обратное.
Мирель прыгнула вперёд.
И в тот же миг пространство вокруг неё вспыхнуло мягким белым светом.
Но это не было защитой.
Это была граница.
И существо пересекло её, даже не замедлившись — так, будто само понятие границы не входило в список правил, по которым оно существовало.
Будто законы, на которых держалась её магия, здесь просто не были установлены.
— Они научились, — резко сказала Мирель.
И впервые в её голосе не было ни язвительности, ни уверенности.
Только страх, плохо скрытый под привычной формой слов.
Существо подняло руку.
И воздух рядом с Алиной дрогнул.
В пространстве появились трещины — не на стенах, не в предметах, а в самой глубине реальности, как если бы мир начал расходиться по швам.
Алина почувствовала, как её тянет.
Не тело.
Не разум.
Что-то глубже — там, где обычно не задают вопросов и не произносят слов.
Казалось, из неё пытались вырвать что-то большее, чем память.
И в этот момент дверь коридора взорвалась вторым ударом.
Но теперь — снаружи.
Дерево разлетелось в щепки, словно его не ломали, а отменяли.
И в комнату влетел Каэл.
Он не вошёл.
Он прорвался — как решение, которое больше нельзя откладывать.
Меч уже был в руке.
Руны на клинке вспыхнули так ярко, что на секунду стало больно смотреть — не глазам, а вниманию.
— Назад! — его голос разрезал пространство, заставляя воздух подчиниться хотя бы на мгновение.
Существо даже не обернулось.
— Страж, — произнесло оно.
И в этом слове прозвучало не просто узнавание.
А что-то почти спокойное. Почти древнее.
Каэл ударил.
Один раз.
Без подготовки.
Без замаха.
Без паузы, в которой обычно рождается сомнение.
Просто движение — короткое, точное, завершённое само в себе, как приговор, который уже вынесен и не требует объяснений.
Свет клинка рассёк воздух.
И на мгновение показалось, что реальность действительно можно ранить — что у неё есть предел прочности, который можно задеть сталью, если вложить в удар достаточно воли.
Удар пришёлся в существо.

И пространство дрогнуло.
Существо отшатнулось.
Не от боли.
От неожиданности.
Оно медленно повернулось к Каэлу.
Вместе с этим движением комната словно потеряла привычные законы: свет померк, звук исчез.

— Ты сопротивляешься неизбежному, — сказала существо.

Голос снова звучал внутри, как мысль, которую кто-то аккуратно вложил ей в голову, не спрашивая разрешения.

Каэл не ответил.

Он сделал шаг вперёд.

— Я сопротивляюсь тебе.

И снова удар.

Но на этот раз существо даже не попыталось уклониться.

Оно просто подняло руку.

И меч остановился.

Не встретив сопротивления в привычном смысле — он будто упёрся в отсутствие возможности дальше двигаться, в границу, которая не была материалом.

А потом эта граница сжалась.

Резко.

И Каэла отбросило назад.

Удар был глухим и тяжёлым — он врезался в каменную колонну так, что по залу прошла вибрация.

Алина вскрикнула:

— Каэл!

Он не поднялся сразу.

И именно это стало самым страшным.

Потому что Каэл всегда поднимался сразу.

Существо сделало шаг к Алине.

Медленно.

Не спеша.

Как к тому, что уже признано своим по праву.

— Ты думаешь, мы пришли за тобой.

Существо наклонило голову.

— Нет.

Пауза.

— Мы пришли вспомнить, как выглядит дверь.

А то, что оно говорило так, будто знало её раньше, чем она сама.

Как будто где-то внутри неё что-то давно знало этот жест — и сейчас, вместо сопротивления, просто отозвалось.

— Нет... — прошептала она.

И сама не поняла, кому это было адресовано.

Себе.

Миру.

Или той части внутри себя, которая слишком спокойно отозвалась на протянутую руку.

И в этот момент Каэл поднялся.

Медленно. С усилием, которое не имело ничего общего со слабостью — скорее с тем, как поднимаются те, кто уже не рассчитывает на лёгкость движений.

Кровь тянулась по его рукаву тёмной линией, но взгляд оставался ясным.
Неприятно ясным.
Как у человека, который уже принял то, что дальше может не быть «после».
— Не трогай её, — сказал он.
И голос изменился.
Он стал глубже. Тяжелее.
Не громче — просто плотнее, как если бы в нём появилось что-то, чего раньше он не позволял себе выпускать наружу.
Существо остановилось.
Всего на долю секунды.
Но в этом мире доля секунды уже была роскошью.
Этого хватило.
Руны на клинке Каэла вспыхнули снова.
Но теперь свет был другим.
Не серебряным, не холодным.
Почти белым — таким ярким, что он переставал быть светом и становился состоянием, в котором мир вынужден подчиняться.
Слишком ярким.
Слишком чистым.
На мгновение показалось, что сам мир решил вмешаться.
Каэл ударил.
Свет клинка вошёл в существо.
Комната вздрогнула.
Существо издало первый звук.
Его форма начала распадаться.
Звуки вернулись слишком быстро — будто дворец торопился забыть произошедшее. Алина стояла неподвижно. Потом медленно повернулась к Каэлу.
Он всё ещё держал меч.
Но теперь — опущенный.
Как вещь, которая выполнила задачу и на мгновение не уверена, что делать дальше.
И только тогда его ноги чуть подкосились.
Он удержался за стену — резко, почти зло, как будто сам факт слабости был ему неприятнее раны.
Алина уже была рядом.
— Ты ранен...
Он коротко усмехнулся, но в этой усмешке не было привычной остроты.
— Это уже входит в привычку.
И всё же голос прозвучал тише. Не надломленно — скорее так, как звучит металл, который ещё держит форму, но уже получил слишком много ударов.
Алина посмотрела на него внимательнее.
— Ты знал, что оно может прийти?
Каэл не ответил сразу.
И эта пауза сказала больше, чем любой ответ.
Алина почувствовала, как внутри всё холодеет.
— Знал.
Всего одно слово. Но оно изменило всё.
— Вы вообще собирались мне это сказать?
— Почему ты не сказал? — тихо спросила она.

— Они... — Алина сглотнула. Горло пересохло, слова давались с усилием. — Они придут снова?

Каэл медленно перевёл взгляд на разбитую дверь.

На пустое место, где ещё недавно была граница между «здесь» и «вне».

На тонкие следы трещин в воздухе — почти незаметные, но всё ещё не зажившие, как шрамы на ткани мира.

Он выдохнул.

И сказал честно:

— Да.

Пауза легла тяжело, без воздуха.

— Скоро?

Каэл помолчал.

— Скорее, чем мне хотелось бы.

Мирель тихо добавила, не меняя позы:

— В следующий раз они придут за всем, что ты есть.

Алина медленно подняла голову.

Страх всё ещё был внутри.

Но рядом с ним появилось другое чувство.

Злость.

Не на существо.

Не на Каэла.

На то, что все вокруг знали больше неё.

— Хорошо, — тихо сказала она.

Каэл нахмурился.

— Что?

— Тогда хватит мне объяснять.

Она посмотрела на него.

Исчезновение существа не принесло облегчения. Оно лишь оставило после себя ощущение: это был не конец, а начало.

Алина всё ещё стояла у стены, прижимаясь к холодному камню.

Но реальность уже не держалась ровно.

Зеркала — треснувшие, с расходящимися линиями, как будто отражения пытались выбраться наружу.

Подсвечники — опрокинутые, воск застывший в нелепых формах.

Воздух — слишком тихий, слишком «после».

И всё равно ощущение было одно: здесь только что открывали не дверь.

А разрыв.

Не в пространстве даже — в том, что обычно не допускает вторжений.

Алина медленно выдохнула.

Казалось, вместе с этим выдохом она теряет часть контроля над тем, как должна выглядеть её собственная реальность.

Каэл выпрямился с заметной осторожностью — не слабостью, а расчётом, как у человека, который уже научился не тратить лишнее движение.

— Ты цела? — спросил он.

Вопрос прозвучал почти буднично.

И от этого стал ещё тяжелее.

Алина кивнула.

Коротко.

Слишком быстро.

И почти сразу поняла, что это неправда.

Потому что внутри неё всё ещё продолжало двигаться то, что она увидела.

Не как воспоминание.

А как след.

Как отпечаток на ткани сознания — не картинка, а присутствие, которое не уходит, даже когда событие уже закончилось.

Мирель стояла чуть в стороне.

Сейчас она снова выглядела просто маленькой белой лаской.

Но в её взгляде оставалось напряжение — собранное, внимательное, слишком взрослое для такого тела.

— Они не должны были так легко пройти сюда, — тихо сказала она.

Каэл бросил взгляд на разбитое зеркало.

— Они и не проходили, — ответил он. — Их сюда вытянули.

Алина резко повернулась к нему.

— Кто?

Он не ответил сразу.

И в этой задержке было больше смысла, чем в любом слове — слишком знакомая пауза людей, которые уже знают ответ, но понимают, что произнести его значит сделать ситуацию окончательной.

В таких вопросах тишина почти всегда честнее языка.

Потому что она не скрывает — она просто откладывает неизбежное.

— Академия, — наконец сказал он.

И слово прозвучало иначе, чем раньше.

Не как название места.

А как обозначение системы, у которой есть собственная логика, собственная воля и собственная необходимость действовать.

Как механизм.

Как источник.

Алина почувствовала, как холод поднимается от груди к горлу, медленно, без спешки — будто тело сначала проверяет, можно ли это выдержать.

— Но... они же защищают меня, да? — голос сорвался на полтона тише, чем она хотела.

И это выдало больше, чем сами слова.

Каэл посмотрел на неё.

Долго.

Не так, как смотрят, когда выбирают правильный ответ, а так, как смотрят, когда уже понимают: любой ответ сейчас будет неправильным.

— Они защищают баланс.

— А меня?

Каэл посмотрел ей в глаза.

— Если однажды им придётся выбирать между тобой и этим миром... они выберут мир.

Алина горько усмехнулась.

— Значит, проблема не во мне.

Он промолчал.

— Проблема в вашем балансе.

Каэл не стал спорить.

— Возможно.

Она повисла в воздухе так, будто сама комната перестала спорить с её смыслом.

Алина медленно опустилась на край кровати.

Движение получилось слишком аккуратным — как у человека, который боится, что любое резкое действие подтвердит услышанное.

Руки дрожали.

Она сжала их, пытаясь остановить это, будто дрожь была чем-то внешним.

— Я ничего не сделала, — произнесла она.

И в этих словах было не оправдание.

А попытка удержать мир в прежней версии.

И сама же слышала, насколько это звучит беспомощно.

Каэл медленно убрал меч в ножны.

Звук металла прозвучал окончательнее любых слов.

Движение Каэла было резким — не театральным, а сдержанно-злым, как у человека, который слишком долго держал напряжение и наконец позволил ему проявиться в одном жесте.

— Это не про то, что ты сделала, — сказал он. — Это про то, что ты есть.

Слова были простыми.

И именно поэтому — тяжелыми.

Только факт, который нельзя обойти, как нельзя договориться с законом природы.

Мирель подошла ближе и аккуратно села рядом с Алиной, уже без своей привычной лёгкости, будто выбирала каждое движение.

И впервые её голос стал серьёзным до конца — без привычных оттенков игры или иронии:

— То, что коснулось тебя, не зеркало, — сказала она. — Это не была атака.

Алина посмотрела на неё.

— Тогда что?

Мирель долго молчала.

Слишком долго для существа, которое обычно отвечало быстрее.

— Они проверяли, что проснётся.

Ласка помолчала.

Дольше, чем обычно позволяла себе паузы.

И в этой тишине не было сомнений — только осторожность, как будто слово само по себе могло сделать ситуацию окончательной.

— Тебя настоящей, — очень тихо ответила она.

И это прозвучало не как объяснение.

А как приговор, который ещё только начинает исполняться.

За окном дворца уже начинало светлеть.

Но свет за окном не приносил облегчения.

Он лишь делал комнату более чёткой — словно кто-то медленно увеличивал резкость у мира, убирая все размытые места, где ещё можно было спрятать сомнение или надежду.

Теперь уже нельзя было спрятаться за мыслью, что всё это сон.

Слишком завершённым.

Каэл подошёл к окну и остановился, не оборачиваясь. Его силуэт на фоне светлеющего неба выглядел спокойным — но это был не покой, а собранность человека, который уже перестал спорить с неизбежным.

— Они не будут останавливаться, — сказал он.

— Кто «они»?

Он чуть повернул голову, не полностью, как будто даже взгляд экономил движение.

— Те, кто помнит, что ты значишь.

Алина медленно закрыла глаза.

На секунду.

Не для отдыха — скорее как попытку выключить мир, который слишком быстро перестал быть объяснимым.

Потому что впервые с момента, как всё это началось, ей захотелось не знать.

Не понимать.

Не быть тем, вокруг кого складываются такие фразы.

Но это желание не нашло никакого отклика во внешнем мире.

Оно просто осталось внутри — без влияния на происходящее.

Когда она открыла глаза, Каэл уже смотрел на неё.

И в этом взгляде больше не было дистанции.

Не было наблюдения.

Только решение — уже принятое.

Не обязательно за неё.

Но и не совсем без неё.

— Тебе нужно уйти в Академию сейчас, — сказал он.

— Нам нужно отправляться в Академию сейчас, — сказал Каэл.

Алина посмотрела на него.

— Нет.

Он замер.

— Нет?

— Я не сделаю больше ни шага, пока вы не перестанете обращаться со мной как с вещью.

Он кивнул.

Коротко.

Без оправданий.

— Пока они не поняли, что именно увидели.

Мирель тихо добавила:

— Или пока не начали показывать это другим

Тогда я должна узнать раньше них.

И эта фраза ударила сильнее, чем недавняя атака существ.

Это означало простое и неумолимое: угроза больше не заперта в комнате.

Она уже разошлась.

За пределы дворца.

А может, и дальше — туда, где её ещё даже не успели назвать правильно.

Алина медленно подошла к разбитому зеркалу.

Осторожно.

Как подходят к чему-то, что может ответить, если к нему обратиться неправильно.

Осколки лежали на полу неровной мозаикой, и в каждом отражалась она — но чуть по-разному, с маленькими смещениями, как будто реальность не могла удержать единую версию происходящего.

И не только она.

На долю секунды в одном из осколков за её плечом проступила фигура.

Очень высокая.

Очень неподвижная.

Слишком знакомая — так, как бывает знакомо не воспоминание, а ощущение, которое ты никогда не называл словами.

Алина резко обернулась.

Никого.

Только Каэл.

Только комната.

Только воздух, который вдруг стал слишком тихим, чтобы ему доверять.
Но ощущение не исчезло.

Оно просто перестало быть видимым.

— Я видела... — начала она.

И остановилась.

Потому что продолжение не звучало как мысль, в которую можно поверить вслух.

Потому что она не знала, как это объяснить.

Каэл шагнул ближе.

Не резко — но так, что расстояние между ними снова стало значимым.

— Что ты видела?

Алина медленно покачала головой.

— Я не уверена, что это было «видела».

И это прозвучало честнее любых точных формулировок.

Она не знала, как это объяснить.

Это было не видение. Не образ.

Скорее воспоминание, которое никогда ей не принадлежало.

И именно это пугало сильнее всего.

Где-то глубоко внизу дворца прозвучал колокол.

Один удар.

Глухой.

Официальный.

Такой, который не сообщает — а фиксирует факт, уже случившийся вне зависимости от того, готов ли ты его принять.

Воздух изменился. Каэл понял это раньше остальных — и сразу взялся за меч. Это было почти незаметно, но Алина уже начала видеть такие вещи: не движения тела, а сдвиги внутри решения.

— Началось, — сказал он.

— Что началось?

Он не ответил сразу.

И пауза оказалась слишком точной, чтобы быть случайной.

Потому что ответ уже не был в словах.

Он звучал в самой структуре дворца — в коридорах, в камне, в расстоянии между этажами, в том, как изменилась тишина за дверью.

И, возможно, даже в ней самой.

— Совет созван, — наконец сказал он. — Значит, они уже знают.

— Знают что?

Каэл посмотрел ей прямо в глаза.

— Что ты не просто носитель.

— Не понимаю.

— Носитель может прожить всю жизнь, так и не пробудив силу. Таких были десятки.

Он сделал короткую паузу.

— Активация происходит, когда сила начинает менять мир вокруг своего хозяина.

Алина невольно вспомнила остановившиеся мечи. Разбитое зеркало. Существо.

— Значит...

— Значит, это уже началось.

Слово повисло в воздухе, не как звук, а как состояние, которое внезапно стало частью комнаты.

И в тот же момент дверь открылась.
Без стука.
Без предупреждения.
Так, как открываются не двери — а решения.
Леди Серайс вошла так, будто граница между коридором и комнатой существовала только для тех, кто в неё верит.
Её взгляд сразу нашёл Алину.
Точно. Безошибочно.
И в этом взгляде больше не было ни наблюдения, ни сомнения.
Только фиксация факта.
Она остановилась у порога.
Несколько секунд ничего не говорила.
Будто проверяла не её состояние — а то, насколько сильно изменилось само пространство вокруг неё.
Потом медленно сняла перчатку и убрала её за пояс.
Жест был простым.
Но Алина почему-то почувствовала в нём больше тревоги, чем в любом предупреждении.
— Время вышло.
Пауза была короткой, но достаточной, чтобы воздух успел стать тяжелее.
И тише она добавила:
— Мы получили первое сообщение.
— От кого?
— От Разлома.
Алина медленно выдохнула.
Слишком медленно для человека, который пытается удержать контроль.
— И что это значит?
Серайс ответила без колебаний:
— Ты знаешь, почему тысячу лет назад исчезли три королевства?
Алина молча покачала головой.
— Потому что открылся Разлом.
Она выдержала паузу.
— Не портал.
— Не бездна.
— Место, где законы мира перестают действовать.
— Всё, что приходит оттуда, меняет саму реальность.
— Сегодня он впервые ответил на твоё существование.
Пауза повисла так точно, будто её заранее рассчитали.
Слова не прозвучали громче предыдущих. Но их вес оказался другим.
Никто не ответил.
И тогда Алина поняла:
если она останется той же девушкой, которую всё время спасают, за неё будут принимать решения всегда.
Она посмотрела на свои руки.
На свет, который когда-то пугал её.
И впервые не попыталась спрятать его.
— Хорошо.
Она подняла взгляд.
— Нет. Не покажите.
Она подняла голову.

— Научите меня использовать это раньше, чем кто-то ещё решит использовать меня.

— Я хочу домой.

Никто не ответил.

В комнате стало так тихо, что Алина слышала собственное дыхание.

Леди Серайс медленно посмотрела на короля.

Тот закрыл глаза лишь на мгновение.

— Домой, — тихо повторил он. — Именно туда мы и пытаемся тебя вернуть.

И в этот момент где-то глубоко под дворцом снова раздался глухой удар.

Будто что-то древнее услышало её слова.

Конец главы.

Глава 7.

Дворец не спал.

Он, казалось, вообще не знал, что такое сон.

Ни днём, когда под сводами гремели голоса советников, стража сменяла посты, слуги бесшумно скользили по лестницам, а магические светильники под потолком горели ровным золотым светом. Ни ночью, когда небо над Эларионом становилось густым и почти чёрным, таким глубоким, казалось, что за ним прятались чужие миры, древние звёзды и тайны, которым лучше было бы никогда не просыпаться.

Даже в самые поздние часы дворец продолжал жить.

Не открыто.

Не шумно.

А иначе — осторожно, затаённо.

В коридорах звучали шаги. Глухие, приглушённые коврами, но всё равно различимые в тишине. Где-то далеко скрипнула дверь. Где-то коротко звякнул бокал. Шёлк прошелестел по каменному полу, и тихий женский смех тут же оборвался, словно его обладательница вспомнила, что во дворце стены умели слушать.

Здесь даже молчание не было настоящим.

Оно скрывало слишком многое.

Алина стояла у высокого окна, которое уходило почти до потолка, и смотрела на город.

Эларион лежал внизу — огромный, сияющий, невозможный.

Он светился не огнями.

Магией.

Башни поднимались к небу тонкими серебряными шпилями, похожими на застывшие языки пламени. Их вершины мерцали холодным голубым светом, будто в камне текла живая энергия. Мосты между башнями висели в воздухе прозрачными дугами, оплетёнными светящимися линиями рун. По улицам внизу медленно плыли огненные шары — фонари, не привязанные ни к стенам, ни к столбам. Они двигались сами по себе, лениво, почти разумно, освещая мостовые мягким янтарным светом.

Город был красив. Слишком красив — настолько, что в этой красоте чувствовалось что-то неправильное.

Алина смотрела на него и всё ещё не могла почувствовать, что принадлежит этому месту. Дворец, башни, магия, титулы, шёпоты, поклоны — всё это существовало по своим древним законам задолго до неё.

Она была здесь случайностью. Ошибкой. Или, что пугало куда сильнее, частью замысла, о котором знали все, кроме неё.

— Ты выглядишь так, будто уже ищешь выход.

Голос Каэла прозвучал тихо, спокойно, без нажима.

Алина не обернулась.

Она продолжала смотреть в окно, туда, где город лежал в ночи слоями огней и тьмы. Она всё ещё не знала, имеет ли право считать его своим.

— Я думаю, — ответила она после паузы.

Каэл коротко хмыкнул — почти беззвучно, скорее как мысль, чем как реакция.

— Не надо.

— Почему? — она не сразу повернула голову, но в голосе уже появилась усталость, которую трудно скрыть.

Его внимание снова вернулось к городу.

— Потому что страх убивает быстрее меча.

Алина слабо усмехнулась, всё ещё не отрывая взгляда от города.

— Тогда тебе стоит держаться от меня подальше. — Она сама удивилась, насколько легко это прозвучало.

— Уже поздно.

В его голосе звучало спокойное принятие.

Казалось, решение уже давно было принято.

Он подошёл ближе. Его шаги почти не звучали, но Алина всё равно почувствовала его приближение — не слухом. Пространство рядом едва заметно изменилось, и тело отреагировало раньше мыслей.

Отражение Каэла сначала возникло в стекле размытым пятном движения, а потом обрело чёткость.

Он стоял рядом, но в отражении это «рядом» выглядело иначе — словно расстояние между ними измерялось не шагами.

— Сегодня бал, — сказал Каэл.

— Я уже поняла.

— Там будут все.

Алина чуть повернула голову, но всё ещё смотрела не на него напрямую — словно разговаривая с его отражением, как будто так было безопаснее держать дистанцию.

— Все — это кто?

— Совет. Лорды великих домов. Послы. Те, кто хочет тебя защитить.

Он скользнул взглядом по отражению в стекле.

— И те, кто хочет твоей смерти.

Уголок её губ дрогнул. На этот раз — без тепла.

— Отличная компания.

— Ты справишься.

Вот теперь она повернулась полностью.

Медленно.

Будто сам этот взгляд был решением, к которому она ещё не была готова.

— Откуда такая уверенность?

Каэл не отвёл взгляда.

На его лице застыла упрямая уверенность, будто он видел в ней то, чего она сама ещё не замечала.

— Потому что ты уже выжила там, где не должен был выжить никто.

Что-то внутри дрогнуло.

Не от облегчения.

Платье оказалось хуже приговора.

Алина поняла это не сразу — сначала как ощущение, потом как ограничение, и только затем как реальность, с которой придётся двигаться дальше.

Когда служанки затянули последние шнуры корсета, дыхание стало отдельным процессом, который больше не принадлежал телу полностью.

Воздух в груди превратился в ресурс.

Роскошь.

То, что теперь нужно было не просто иметь — а экономить, распределять, почти контролировать.

Она попыталась глубже вдохнуть — и тут же поняла: платье не собиралось позволять ей такую роскошь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.